

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

Фунакоси Гитин

КАРАТЭ-ДО: МОЙ ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

Познание прошлого даёт
Понять нам будущего дали.
Прошедшие и нынешние дни -
Две стороны одной медали...

В движении жизни суть,
В единстве суть времён -
И в этом главный жизненный
закон...

Наполнить можно лишь
пустую чашу.
Стремясь к Познанию,
помните всегда:
Сознание человека - это чаша,
А знания - желанная вода.

Путь праведной жизни труден,
С него нам легко свернуть.
Кто сможет достойно и честно
Пройти свой жизненный Путь?

ВСТУПЛЕНИЕ

Прошло уже около сорока лет с того момента, когда я приступил к претворению в жизнь своей высокой мечты: сделать частью японской национальной культуры каратэ - традиционное боевое искусство жителей Окинавы, которое в наши дни стало широко известным видом спорта.

Эти сорок лет жизни были очень трудными, и трудным был мой жизненный путь. Сегодня, оглядываясь назад, я сам удивляюсь, что смог добиться таких удивительных результатов.

То, что каратэ в настоящее время получило широкое международное признание как вид спорта, несомненно является заслугой моих учителей, моих последователей, моих друзей и моих учеников, которые, не считаясь с многочисленными трудностями и временем, без остатка посвятили себя делу развития этого благородного искусства самозащиты.

Что касается моего личного участия в этом деле, то оно свелось к роли, если можно так выразиться, распорядителя или "мастера церемонии" то есть того, кто в нужное время оказался в нужном месте.

Не будет большим преувеличением сказать, что почти все девяносто лет своей жизни я посвятил каратэ. В детстве я был довольно слабым и болезненным ребёнком, поэтому родители решили, что для укрепления здоровья мне обязательно следует позаниматься каратэ. Я подчинился родителям, но сначала без всякого интереса. Только в старших классах начальной школы, когда моё здоровье, благодаря постоянным тренировкам, заметно улучшилось, мой интерес к каратэ начал расти. Вскоре я обнаружил, что каратэ полностью поглотило меня. Я отдался изучению каратэ всецело: сознанием и телом, сердцем и душой. И вот

из совершенно неуверенного в себе, слабого и очень мнительного ребёнка я превратился в сильного и решительного мужчину.

Когда я оглядываюсь на пройденный мною путь длиною в девять десятилетий от детства к юности, затем к зрелости и, наконец, (здесь я вынужден употребить слово, которое я не люблю) к старости, то понимаю, что лишь благодаря каратэ-до, мне ни разу не пришлось обращаться к врачу. Никогда в жизни я не принимал лекарств: ни таблеток, ни капель, ни уколов. В последнее время друзья называют меня "бессмертным". На эту шутку я могу ответить совершенно серьёзно, что моё тело настолько хорошо тренировано, что противостоит всем недугам и болезням.

По моему глубокому убеждению, существуют три вида заболеваний: болезни, вызывающие жар; нарушения в работе внутренних органов и физические травмы. Почти всегда причинами наших болезней являются неправильный образ жизни, непостоянство привычек или плохое кровообращение.

Я убеждён, что если человек с повышенной температурой будет заниматься каратэ до появления пота, то он вскоре почувствует, что температура понизилась, и болезнь отступила. Если человек, который страдает от заболевания внутренних органов, сделает то же самое, то он заставит свою кровь циркулировать более свободно, и боли уменьшатся. С физическими травмами, конечно, дело обстоит иначе, но многих травм можно избежать, если человек хорошо тренирован и проявляет достаточную осторожность. Каратэ - это не только спорт, каратэ защищает человека от болезней тела и от слабости духа.

Каратэ получило международное признание недавно. Учителя каратэ должны ценить это и относиться к своей деятельности с величайшей ответственностью. Мне было очень приятно видеть, с каким энтузиазмом занимаются каратэ мужчины, женщины и даже дети, не только в Японии, но и в других странах мира.

Развитие каратэ, без сомнения, было главной причиной того, что редакция журнала "Промышленность и торговля" попросила меня написать о каратэ. Сначала я отказался, ответив, что я - всего лишь старый человек, который ничем не отличается от многих других и может рассказать очень мало. Однако я и в самом деле всю свою жизнь посвятил каратэ, поэтому, подумав, я принял предложение издателя с условием, что мне позволят написать что-то вроде автобиографии.

В то же время, размышляя об этом, я чувствую некоторое смущение и прошу своих читателей простить меня, если я рассказываю о вещах незначительных или неинтересных. Я прошу всех отнестись к моей книге серьёзнее, чем к "чужаеству" очень старого человека. Я же постараюсь собрать все свои силы для этой работы.

Стремясь наилучшим образом осуществить свое намерение, я прошу о поддержке и помощи со стороны читателей и хочу выразить благодарность сотрудникам еженедельника "Weekly Sankei Magazine" Ириката Хироси (за помощь, оказанную в редактировании текста) и Нисимура Тоёхико (за оформление первого издания книги на японском языке).

Фунакоси Гитин
Токио, сентябрь, 1956 г.

НАЧАЛО ПУТИ

Запрещение самурайской причёски

Я родился в 1868 году в древней столице острова Окинава, городе Сюри. Это был год великого исторического перелома в судьбе всей Японии: в древней столице страны - Эдо, которая сейчас называется Токио, была уничтожена власть правителей сёгуната Токугава и восстановлена власть императора Мэйдзи.

Если кто-то из вас заглянет в официальные метрики, то прочтёт, что я родился в третий год правления Мэйдзи (1870). На самом же деле, я родился в первый год правления, но мне пришлось исправить дату своего рождения, чтобы быть допущенным к вступительным экзаменам в медицинскую школу в Токио, я хотел поступить в эту школу, но в то время существовало положение, по которому к экзаменам допускались только родившиеся в 1870 году или позже. Мне не оставалось ничего другого, кроме исправления официальной записи о рождении, что не трудно было сделать, потому что учёт тогда вели не очень строго, хотя сейчас это может показаться странным.

Изменив дату рождения, я отправился на экзамены и сдал их, но в школе так и не учился. Причина этого в то время казалась мне очень серьёзной, но сегодня я её такой не считаю. Среди множества реформ, проведённых новым правительством Мэйдзи за первые двадцать лет правления, был запрет на

ношение традиционной самурайской причёски - "тёммагэ", являющейся неотъемлемой частью жизни японских самураев с незапамятных времён. Эта причёска имела вид пучка волос, собранного на макушке, и у жителей Окинавы она издавна служила своеобразным символом мужской зрелости и достоинства. Запрет на ношение самурайской причёски, по всей стране вызвал сильное сопротивление, но я думаю, что нигде оно не было таким сильным, как на Окинаве.

Между теми, кто верил, что для будущего благосостояния Японии необходимо приблизиться к западному образу жизни, и их противниками постоянно возникали споры по поводу почти каждой реформы, проводимой в жизнь правительством. Однако, казалось, ничто другое не приводило жителей Окинавы в такое возбуждение, как запрещение традиционной самурайской причёски. "Сидзоку" (представители привилегированного сословия) в большинстве своём были противниками запрета тёммагэ, а "хэймин", (люди низшего сословия) и незначительная часть прогрессивно настроенных сидзоку поддерживали этот запрет. Выступавших в поддержку запрета стали называть "просветителями", а их противников называли "упрямыми".

Моя семья на протяжении жизни нескольких поколений принадлежала к сословию мелких чиновников, и весь наш клан единодушно и твёрдо поддерживал противников запрета. Расстаться с причёской самурая для любого члена моей семьи было делом абсолютно невозможным, но я не придерживался взглядов ни той, ни другой стороны. В конце концов я просто подчинился воле семьи, а поскольку противники запрета, демонстративно носившие тёммагэ, в государственную медицинскую школу не принимались, то моя судьба и весь мой дальнейший жизненный путь изменились из-за такой ерунды, как пучок волос на макушке.

Позднее мне, как и всем остальным, всё равно пришлось подчиниться строгому запрету, но прежде чем рассказать о том, как это произошло, я хочу вернуться на несколько десятилетий назад.

Я родился недоношенным в семье мелкого чиновника Фунакоси Гису и был его единственным сыном. В детстве я довольно часто болел, поэтому мои родители и родственники были уверены, что мне не суждено жить долго. Все они трогательно беспокоились обо мне. Особую заботу проявляли мои дедушки и бабушки.

Вскоре после рождения я был отправлен к родителям матери, и дедушка познакомил меня с классическими "Четырёхкнижием" и "Пятикнижием", что, по конфуцианской традиции, было обязательным для сына сидзоку.

В тот период, когда я жил у своего дедушки, я пошёл в начальную школу, где некоторое время спустя подружился с одним из одноклассников. Эта дружба также оказала влияние на мою жизнь, причём в значительно большей степени, чем запрет на причёску самурая. Мой одноклассник был сыном Адзато Ясуцунэ, удивительного человека, который был одним из известнейших мастеров каратэ на Окинаве.

Мастер Адзато принадлежал к одному из двух знатнейших кланов сидзоку на острове. Клан Удон был высшим, и члены этого клана занимали положение, аналогичное положению даймё за пределами острова. Члены клана Тоноти были наследными правителями городов и деревень острова. Адзато был членом клана Тоноти, и его семьи правила в деревне Адзато, расположенной между Сюри и Наха. Престиж клана Адзато был столь высок, что все члены этого клана считались не вассалами, а, скорее, близкими друзьями прежних правителей Окинавы.

Сэнсэй Адзато славился по всему острову, как искусный каратэка, великолепный наездник и отличный мастер кэндзюцу и кюдзюцу. Кроме всего этого, Адзато Ясуцунэ получил очень хорошее образование. Мне невероятно повезло в том, что он обратил на меня внимание, и я сделал свои первые шаги в каратэ под его чутким руководством.

В то время ещё сохранял свою силу запрет на обучение каратэ, поэтому все занятия проводились тайно, и ученикам строго запрещалось говорить кому бы то ни было о том, что они изучают это искусство. Подробнее я расскажу об этом чуть позже, а сейчас хочу только подчеркнуть, что все занятия проводились только ночью и только тайно. Дом мастера Адзато находился довольно далеко от дома моего дедушки, у которого я жил, но каратэ так увлекло меня, что никогда эти ночные прогулки не казались мне слишком дальними. После двух лет занятий я заметно укрепил своё здоровье и уже не был прежним слабым ребёнком. Занятия каратэ очень нравились мне, более того, я чувствовал глубокое влияние каратэ на улучшение моего здоровья и серьёзно начал подумывать о том, чтобы посвятить каратэ всю свою жизнь.

Конечно, мне даже не приходила в голову мысль, что каратэ может стать моей профессией, и только потому, что самурайская причёска не позволила мне стать врачом, я вынужден был искать другие возможности.

С раннего детства я под руководством деда и мастера Адзато изучал китайскую классическую литературу и, закончив школу, решил применить полученные знания на практике и стать школьным учителем. Я сдал квалификационные экзамены и получил место помощника учителя в начальной школе. Впервые я вошёл в свой класс в 1888 году, когда мне исполнился всего двадцать один год.

При этом вновь возникли трудности с моей причёской, потому что для получения должности учителя необходимо было выполнить постановление правительства. Это казалось мне вполне разумным. Япония находилась в состоянии больших перемен, происходивших во всех сферах общественной жизни. Я чувствовал, что мой педагогический долг состоит в том, чтобы помочь молодому поколению японцев, которому предстоит вершить судьбу нации, перекинуть широкие мосты между прошлым и будущим Японии. Мне казалось очевидным, что традиционная самурайская причёска является не более, чем символом прошлого, но я содрогался при мысли о том, как отнесутся к моему поступку старшие члены нашей семьи.

В то время все школьные учителя носили официально установленную форму - чёрный приталенный китель с воротником, застегнутым под горлом на латунные пуговицы (с рисунком в виде цветка вишни) и фуражку с кокардой, на которой был такой же рисунок. В этой форме и уже без причёски я отправился к родителям для того, чтобы рассказать им о моём назначении на должность помощника учителя в начальной школе.

Увидев меня, отец был так поражён, что не поверил своим глазам.

- Что ты с собой сделал? - возмущённо воскликнул он. - Ты, сын самурая!

Моя мать рассердилась больше отца и отказалась разговаривать со мной. Она повернулась ко мне спиной, а потом вышла из дома через чёрный ход и поспешила в дом своих родителей.

Я представляю, насколько смешным покажется весь этот переполох современному молодому человеку.

Как бы то ни было, я сделал свой выбор. Вопреки всем возражениям родителей, я выбрал профессию, которой посвятил последующие тридцать лет своей жизни. Но при этом я никогда не изменял своей первой и подлинной любви искусству каратэ.

Днём я работал в школе, а ночами под покровом темноты тайком пробирался к дому учителя Адзато (запрет на каратэ всё ещё не был отменён). Ночь за ночью я возвращался домой перед самым рассветом, и мои соседи, естественно, начали гадать, чем же я занимаюсь по ночам. Некоторые из них решили, что единственным объяснением этого могут быть посещения публичного дома.

На самом деле, их догадки были очень далеки от истины. Ночь за ночью на заднем дворе дома мастера Адзато, под его наблюдением, я отрабатывал каратэ ката. Раз за разом, неделю за неделей, иногда месяц за месяцем до тех пор, пока мой учитель не бывал полностью удовлетворён.

Такое многократное длительное повторение одного и того же ката было изнурительным занятием, которое вызывало у меня раздражение, а иногда даже чувство униженности. Много раз я поливал своим потом пыль на полу додзё или на заднем дворе дома моего учителя. Мастер Адзато был очень строг, и я никогда не осмеливался просить о переходе к изучению следующего ката, если он не был уверен, что я усвоил предыдущее ката достаточно хорошо.

Хотя мастеру было уже много лет, он всегда держал спину прямой, как палка. Когда он занимался со мной во дворе, то, надев хакама, всегда садился на балконе дома, а у него за спиной тускло светила лампа. Очень часто я так выматывался во время занятия, что не мог чётко видеть не только мастера, но даже лампу.

После исполнения ката я ждал от мастера Адзато устной оценки. Она всегда была очень краткой. Если ему не нравилось, как я исполнил ката, то он говорил: "Сделай ещё раз" или "Еще чуть-чуть!" Потом ещё немного, ещё чуточку... Пот катился с меня градом. Я валился с ног от усталости. Таким образом мастер давал мне понять, что есть что-то ещё, что нужно выучить и отшлифовать.

Когда, наконец, моё исполнение нравилось мастеру, он говорил только одно слово: "Хорошо!" Это слово выражало у него высочайшую похвалу. Только услышав эту оценку несколько раз, я просил своего учителя позволить мне перейти к изучению нового ката.

В короткие предрассветные часы после завершения занятий мастер Адзато становился совершенно другим человеком. Он начинал размышлять о сути каратэ или, как заботливый отец, расспрашивал меня о работе в школе. Когда ночь заканчивалась, я брал фонарь и отправлялся домой, где меня ожидали подозрительные взгляды подсматривающих соседей.

Я не могу не вспомнить о хорошем друге учителя Адзато - Итосу Ясунэ, который тоже принадлежал к сословию сидзоку и тоже был известным мастером каратэ. Иногда я занимался под наблюдением обоих мастеров, Адзато и Итосу, одновременно. В таких случаях я старался, как можно внимательнее прислушиваться к их беседам, из которых я узнал очень многое о духовных и физических особенностях каратэ. Если бы не эти два человека, то теперь я был бы совсем иным. Я не нахожу слов благодарности, чтобы выразить чувства, которые я испытывало к ним за то, что они открыли передо мной Путь по которому я следую уже более восьмидесяти лет.

Заметка о вздоре

Я чувствую, что мне необходимо в самом начале сказать несколько слов о том вздоре, который не имеет никакого отношения к каратэ. К сожалению, об этом боевом искусстве написано уже слишком много чепухи.

Я попытаюсь объяснить, читателям понятие подлинного каратэ, поэтому прежде всего хочу развеять некоторые ложные представления, мешающие постичь истинную суть этого искусства.

Однажды мне довелось услышать "знатока", который рассказывал своим замороженным слушателям, что в каратэ есть техника, которая называется "нукитэ" и представляет собой удар пальцами рук:

"Используя для удара только пальцы руки, боец может проткнуть грудь противнику, схватить его за рёбра и вырвать их из тела. Техника эта очень сложная и её очень трудно освоить. Прежде всего начинающий должен хорошо укрепить пальцы рук. Для этого нужно взять ведро, наполненное бобами, и каждый день в течение нескольких часов втыкать в бобы руку тысячи и тысячи раз. Сначала во время упражнения кожа на пальцах трескается, и руки кровоточат. Потом кровь засыхает, а чувство боли со временем притупляется и исчезает.

После этого бобы в ведре заменяют песком, в котором пальцы встречают большее сопротивление, и продолжают выполнение упражнения более длительное время. Постепенно степень тренированности пальцев увеличивается, и ученик сможет пальцами проткнуть песок и коснуться ими дна ведра.

После тренировки с песком переходят к упражнениям с речной галькой, и после длительной тренировки тоже добиваются успеха.

В заключение переходят к тренировки со свинцовой дробью. После длительной и тяжёлой тренировки пальцы становятся такими сильными, что каратэка может голыми руками сорвать кору с дерева, без особых усилий разбить тяжёлый камень или проткнуть бок лошади.

Не сомневаюсь, что многие из тех, кто слышал этот удивительный рассказ, поверили ему. Среди изучающих каратэ очень часто находятся люди, которые, по той или иной причине, поддерживают веру окружающих в подобные мифы. Типичен случай, когда совершенно незнакомый с боевым искусством человек спрашивает у подобного каратэка: "Я знаю, что Вы занимаетесь каратэ. Скажите, Вы действительно можете разбить пальцами камень? Вы на самом деле можете пальцами проткнуть живот человеку?" Если каратэка ответит, что такие трюки совершенно невозможны, то он скажет чистую правду. Но в подобных случаях всегда находятся желающие казаться большими мастерами, которые, пожимая плечами, с важным видом заявляют: "Конечно... Иногда и я, если настроюсь и соберусь с силами, то смогу сделать это..."

В результате человек, который очень хотел узнать правду об искусстве каратэ, слышит полнейшую ложь, после которой с благоговением и страхом смотрит на своего собеседника, способного проявить такую невероятную силу.

Очевидно, что энтузиасты каратэ, которые преувеличивают и подчёркивают его силу из лучших побуждений, на самом деле извращают самую суть искусства. Эти болтуны пленяют своих слушателей и убеждают их, что каратэ - это что-то ужасное. Они не только лгут, но и осознают свою ложь. Для чего же они делают это? Только ради красного словца?

Возможно, что в обозримом прошлом и были выдающиеся мастера каратэ, способные на выполнение описанных трюков. Я не могу отрицать вероятности этого, но мне не известен ни один ныне живущий человек, который, сколько бы он ни тренировался, сумел превзойти естественные пределы человеческой силы.

Приходилось мне иногда слышать утверждения и других "знатоков". "В каратэ,- говорили они мне,- совершенно необходим очень сильный хват. Достигается он только длительными тренировками. Лучший способ тренировки: кончиками пальцев обеих рук поднять два тяжёлых сосуда, наполненных песком и вращать их очень много раз. Человек, который укрепил свой хват таким способом, может запросто полосками содрать кожу со своего противника..."

Что за чушь! Однажды такой "знаток" пришёл в моё додзё и обещал научить меня искусству "сдирать кожу полосками". Я попросил его показать всем свои способности на мне, и только рассмеялся, когда он попытался ущипнуть меня, но не смог даже оставить хотя бы намёка на синяк.

Очевидно, что сильный хват очень нужен занимающимся каратэ. Я слышал историю о человеке, который имел такой сильный хват, что мог, ухватившись рукой за край крыши свернуть с места целиком весь дом. Каждый, кто видел дома, строящиеся на Окинаве, согласится, что сделать это не просто. Я своими глазами однажды видел, как мастер Итосу одной рукой раздавил бамбуковую

палку. Такое может показаться совершенно невероятным, но я считаю, что сильный хват был у него от рождения, а тренировки только помогли развить его.

Любой человек после соответствующей тренировки может добиться удивительных результатов в развитии физической силы, но есть предел физических возможностей, преодолеть который не может никто.

Действительно, мастер каратэ может одним ударом сломать толстую доску или расколоть стопку черепиц, но я хочу заверить своих читателей, что любой из них может сделать то же самое после соответствующей подготовки. В этом нет ничего удивительного. Подобные трюки демонстрируют только физическую силу, приобретённую в процессе длительных тренировок, но они не имеют ничего общего с подлинным духом каратэ.

Часто люди, незнакомые с каратэ, меня спрашивают, зависит ли уровень мастерства каратэка от количества досок или черепиц, которые он ломает одним ударом. Между этими двумя показателями никакой связи не существует. Каратэ-до является одним из самых совершенных видов боевого искусства, и любой человек, хвастающийся большим количеством досок или черепиц, которые он может разбить одним ударом или заявляет, что способен вырвать из груди противника рёбра, на самом деле имеет очень смутное представление о сути каратэ.

Мои учителя

В те годы, когда я начинал свою учительскую карьеру, в начальных школах существовало четыре категории служащих: учителя младших классов, учителя старших классов, преподаватели специальных курсов и помощники учителей. Первые четыре года обучения в начальной школе были для всех учеников обязательными.

Учителя первой категории преподавали в первом и втором классах, учителя второй категории - в третьем, четвёртом и более старших классах (с пятого по восьмой), которые не были обязательными.

Поначалу я был принят на должность помощника, но довольно скоро сдал квалификационные экзамены и получил должность учителя младших классов. После этого меня перевели на работу в город Наха, административный центр префектуры Окинава. Этот перевод, который одновременно был моим продвижением вверх по служебной лестнице, очень обрадовал меня: появилось больше времени и возможностей для занятий каратэ.

Позже я сдал экзамены, на должность учителя старших классов, но в связи с тем, что я не был выпускником педагогического училища, а в школы Окинавы приходило всё больше квалифицированных учителей, мне стало ясно, что моя служебная карьера будет делом трудным и очень медленным.

Тем не менее, когда директор школы, в которой я работал, рекомендовал меня на более высокую должность, я от этой возможности продвижения отказался, потому что мне предстояло отправиться преподавать в отдалённом

районе на островах архипелага, а это означало длительную разлуку с моими учителями каратэ. Решиться на такое я не смог.

Была ещё одна причина для моего отказа покинуть Наха. Упоминание о ней нас вновь вернёт к конфликтам, вызванным запретом самурайской причёски. Дело в том, что семьи многих моих учеников были убеждёнными сторонниками "упрямых", и поэтому, хотя шёл уже двадцать четвёртый или двадцать пятый год правления Мэйдзи, до полного и беспрекословного подчинения запрету тёммагэ на Окинаве было ещё далеко. Моя семья тоже поддерживала "упрямых", поэтому я хорошо понимал чувства, которые возбуждало такое неповиновение решениям правительства. В то же время я знал о больших изменениях, происходивших практически во всех сферах жизни японцев, и уже не мог относиться к проблеме причёски как к чему-то действительно серьёзному.

Министерство просвещения видело эту проблему в ином свете. Раздражённое и напуганное неповиновением жителей Окинавы, оно издало указ, по которому каждый ученик острова должен был отказаться от самурайской причёски немедленно. Однако выполнить указ было гораздо сложнее, чем издать его, потому что дети отказывались расставаться с этой причёской, не хотели ходить в школу и оттягивали начало обучения на возможно более длительный срок.

В результате этого указа в начальную школу приходили ученики-переростки, и учителям с ножницами было не под силу справиться с ними. Кроме того, многие из учеников занимались каратэ, которое к тому времени стало распространяться на Окинаве более открыто. Учителя начальной школы, которые пытались насильно подстричь своих учеников, часто убеждались в собственном бессилии.

По этой причине учителям, знакомым с приёмами каратэ, начальством было поручено немедленно поймать и подстричь тех учеников, которые тоже занимались каратэ. До сих пор я часто вспоминаю этих детей, "пленённых" после короткой и ожесточённой схватки и принуждённых подчиниться неумолимым ножницам. Они стояли со слезами на глазах, но крепко сжимали кулаки и были полны решимости расправиться с обидчиками, лишившими их символа мужественности. Как бы то ни было, за короткий срок головы всех наших мальчиков были чисто выбриты, и ненужные страсти вокруг самурайской причёски прекратились навсегда.

Тем временем я продолжал очень старательно заниматься каратэ и брал уроки у нескольких известных на Окинаве каратэка. Моими учителями были: замечательный мастер Киюна, который мог голыми руками мгновенно содрать кору с растущего дерева; мастер Тёонно из Наха, один из лучших знатоков Конфуция на Окинаве; мастер Ниигаки, который всех удивлял своим здравомыслием; и мастер Мацумура Сокон, один из величайших каратэка, о котором я подробно расскажу чуть позже. Но сказанное ни в коей мере не означает, что я пренебрегал моими первыми учителями. Напротив, я проводил с ними столько времени, сколько было возможно и учился у них не только каратэ, но и многому другому.

Мастер Адзато, например, очень хорошо разбирался в политике. Я помню один разговор с ним. "Фунакоси,- говорил он,- после завершения строительства Китайско-Восточной железной дороги война между Россией и Японией станет неизбежной." Он говорил это за много лет до начала военных действий между двумя странами в 1904 году. То, что казалось мне фантазией образованного человека, внезапно стало жестокой реальностью. Когда эта война началась, я был глубоко поражён политической дальновидностью мастера Адзато. Именно Адзато Ясуцунэ в период реставрации Мэйдзи посоветовал наместнику Окинавы теснее сотрудничать с новым правительством, а после появления эдикта о запрете тёммагэ он одним из первых подчинился ему.

Мастер Адзато был также одним из лучших мастеров кэндзюцу в стиле Дзигэн. Ему органически было чуждо хвастовство, но он был так уверен в своих силах, что однажды мне сказал: "Я очень сомневаюсь, что во всей Японии найдётся человек, который сможет победить меня в смертельном поединке."

Ярким подтверждением этой уверенности был поединок мастера Адзато с Канна Ёрин, одним из известнейших мастеров кэндзюцу на Окинаве того времени.

Канна Ёрин был рослым мускулистым силачом с огромными руками и плечами, покрытыми буграми мощных мышц. Про его бицепсы говорили, что они были "высотой в два этажа"! Мастер Канна не ведал чувства страха и был известным знатоком различных боевых искусств. Кроме того, это был человек высокообразованный, который прекрасно знал японских и китайских классиков. Понятно, что он был абсолютно уверен в своей лёгкой победе над моим учителем Адзато.

Однако, когда в этом легендарном поединке Канна Ёрин нанёс мастеру Адзато удар мечом, для него было полной неожиданностью отражение этого удара безоружным противником. Сэнсэй Адзато одним искусным движением руки не только отвёл сильный удар, но и поставил мастера Канна на колени. Когда я попросил учителя Адзато рассказать, что же там произошло на самом деле, он охарактеризовал Канна Ёрин, как очень искусного мастера кэндзюцу, который, благодаря своей репутации непобедимого и бесстрашного человека, мог так запугать любого противника ещё до начала поединка, что победа не требовала от него больших усилий.

"Если же,- наставительно говорил мастер Адзато,- противник его не пугался, если он оставался хладнокровным и искал неизбежную брешь в защите самоуверенного мастера Канна, то победа над ним ему была обеспечена." Эта беседа, как и многие другие подобные советы учителя Адзато, имела для меня очень большое значение и запомнилась надолго.

Другим важным наставлением Адзато было следующее: "Занимаясь каратэ, всегда думай о своих руках и ногах, как о мечах." Демонстрация искусства каратэ самим Адзато была живым примером следования этому принципу.

Однажды кто-то попросил его рассказать о назначении и практическом применении техники "иппонкэн". "Попытайся-ка ударить меня," - спокойно обратился к этому человеку мастер Адзато. Человек попытался нанести удар, но

этот удар был мгновенно отбит, а иппонкэн мастера застыл у живота нападающего на расстоянии меньшем толщины листка бумаги. Движение мастера Адзато было невероятно стремительным. Человек, который задал вопрос не успел даже глазом моргнуть! Конечно, он понял, что настоящий удар в солнечное сплетение мог лишить его жизни.

Сэнсэй Адзато имел подробные сведения обо всех мастерах каратэ, живших на Окинаве в то время. При этом он знал не только их имена и адреса, но также имел данные об уровне технической подготовки этих мастеров, их слабых и сильных сторонах. Он часто повторял, что знание возможностей и техники противника обеспечивает половину успеха в схватке и часто цитировал при этом древнее китайское изречение: "Секрет успеха заключается в знании себя и своего противника."

Мастеру Адзато и его близкому другу Итосу, была присуща по крайней мере одна черта, свойственная истинно великим людям - они никогда не завидовали другим мастерам. Мои учителя всегда знакомили меня с известными им мастерами каратэ и заставляли от каждого взять то лучшее, в чём он превосходил всех других. Из личного опыта знаю, что многие учителя каратэ отказываются передавать своих учеников для обучения мастерам других школ, но это ни в коей мере не относилось к мастерам Адзато и Итосу.

Даже если бы они не научили меня ничему другому, только этот пример скромности и благородства поведения был бы величайшим даром. Характерно, например, что оба мастера не любили говорить о своих "героических подвигах на ниве каратэ", совершённых в годы их юности, которые приписывались им в большом количестве. Они называли эти юношеские похождения "дикостями", которые можно оправдать только бесшабашной молодостью.

Этих двух человек объединяли и другие общие черты, включая даже первое имя обоих - Ясунунэ. Однако, что касается каратэ и физических качеств, то они различались очень сильно. Если мастер Адзато был широкоплечим мужчиной высокого роста, имел пронизывающий взгляд и всем своим видом напоминал средневекового самурая; то мастер Итосу был среднего роста, его грудь напоминала пивную бочку и, хотя у него были длинные усы, он был похож на большого беззащитного ребёнка.

Впечатление от внешности мастера Итосу было обманчивым, потому что руки его обладали силой невероятной. Много раз сэнсэй Адзато вызывал своего друга Итосу на соревнование по окинавской борьбе на руках и всегда терпел поражение. В этом виде борьбы противники, сжав кулаки, скрещивают запястья и пытаются силой прижать к столу руку противника. Соревнующиеся не захватывают руку друг друга, как это принято делать в подобной борьбе на руках в Токио.

После очередного и неминуемого поражения мастер Адзато всегда ворчал, что ему никогда не справиться с Итосу, даже если он будет помогать себе второй рукой.

Действительно, сэнсэй Итосу был настолько хорошо подготовлен, что всё его тело казалось неуязвимым. Однажды, когда он входил в одну из чайных в

Наха, какой-то пьяница напал на него сзади и нанёс ему сильный удар в бок. Мастер Итосу даже не обернулся. Он мгновенно напряг мышцы живота так, что кулак нападавшего отскочил в сторону. Одновременно своей правой рукой мастер Итосу захватил запястье правой руки этого человека. Не глядя на своего противника и не останавливаясь, он вошёл в чайную и втащил его за собой. Сев за стол, он заказал у перепуганной прислуги еды и вина. Потом, продолжая удерживать нападавшего за руку, он выпил вина из чашки в левой руке, усадил этого человека перед собой, дружелюбно посмотрел на него, улыбнулся и сказал ему: "Не знаю, что ты имеешь против меня, но давай лучше выпьем вместе!" Легко можно представить, как был удивлён его противник таким поведением.

Очень известен и другой случай с мастером Итосу, когда на него напал молодой учитель каратэ одной из школ Окинавы. Этот юнец, злобный по натуре и возомнивший о себе невзвесть что, взял в привычку, спрятавшись на тёмной дорожке, подстерегать одиноких путников и нападать на них, испытывая на беззащитных свою силу.

В конце концов он до того обнаглел, что решился напасть даже на мастера Итосу, видимо считая, что, независимо от силы и мастерства, тот не сможет оказать ему сопротивления при внезапном нападении. Однажды ночью он выследил мастера Итосу и, тихо подкравшись сзади, нанёс ему сильнейший удар в спину. Поражённый тем, что его удар не имел ни малейшего результата, этот мерзавец потерял равновесие и в тот же миг почувствовал, что его правое запястье сдавили, словно тисками. Он попытался освободиться с помощью другой руки, но это ему не удалось, ведь о силе хвата мастера Итосу на Окинаве ходили легенды. Он мог, как я уже говорил, раздавить одной рукой толстую бамбуковую палку. Учитель, не оборачиваясь, спокойно продолжал свой путь и тащил нападавшего за собой. Когда этот подлый негодяй понял, что его нападение провалилось, он жалобно стал молить мастера Итосу о пощаде.

- Кто же ты такой? - спросил Итосу.

- Меня зовут Горо, - еле слышно прозвучало ему в ответ. Мастер Итосу только после этого впервые посмотрел на нападавшего юнца.

- Запомни,- сказал он этому юному негодяю, - нельзя так шутить с такими стариками, как я.

С этими словами он отпустил руку Горо и спокойно удалился.

Яркие картины прошлого встают сегодня предо мною, когда я вспоминаю двух своих учителей и их различный подход к философии каратэ. "Ты всегда должен думать о своих руках и ногах, как о мечях",- часто говорил мне мастер Адзато, а мастер Итосу советовал мне закалять всё своё тело так, чтобы оно могло выдержать любой удар. Я должен был сделать своё тело сильным и крепким, как сталь. По их советам я каждый день совершенствовал технику каратэ.

Мне хорошо запомнился случай нападения на мастера Итосу нескольких молодых хулиганов, которые вскоре все лежали на земле без сознания. Один из случайных свидетелей этой схватки, увидев, что сэнсэй Итосу вне опасности, поспешил к дому Адзато, чтобы рассказать мастеру об этом нападении. Мастер Адзато прервал рассказчика и спросил: "Все эти негодяи сейчас лежат без

сознания и лицом вниз, верно?" Очень удивлённый свидетель происшествия подтвердил это, но недоумевал, откуда мог мастер Адзато узнать такие детали. "Очень просто,- ответил тот,- ни один настоящий каратэка не унижится до нападения сзади. Если же кто-то, незнакомый с каратэ, нападает спереди, то, получив удар, падает на спину. Но я знаю силу Итосу. Удар его настолько силён, что от него нападающие падают на месте и лицом вниз. Я буду удивлён, если кто-то из нападавших останется жив."

Однажды мастер Итосу проснулся среди ночи, разбуженный подозрительным шорохом у ворот его дома. Тихо подкравшись к воротам, он понял, что кто-то пытается их открыть. Ни мгновения не раздумывая, он одним ударом кулака пробил в деревянных воротах дыру и схватил воришку. Если бы тонкую доску пробил обычный каратэка, то дыра была бы неровной, со сколами и отщепами. В этом случае края дыры были совершенно ровными и я верю, что это правда, потому что об этом рассказывал мне мастер Адзато.

Я всегда чувствовал тёплое ко мне отношение со стороны двух моих учителей, и сам всегда исполнял обряд поклонения не только в их честь, но и в честь всех других мастеров, которые учили меня. И сегодня я рекомендую делать это тем, кто изучает каратэ. Я возжигал благовония в буддистском храме перед алтарём в честь каждого своего учителя и дал клятву, что никогда не буду использовать своё мастерство в дурных целях.

Я думаю, что именно благодаря этому, мастера Адзато и Итосу относились ко мне, как к родному сыну, до самой их смерти. Посещая учителей, я часто брал с собой своих детей. В этих случаях оба мастера показывали детям ката, а потом просили их повторить упражнения. В награду дети получали конфеты, которые я сам из-за бедности не мог им купить. Самое большее, что я мог позволить себе тогда, это - купить детям сладкий картофель. Мастера любили моих детей и относились к ним, как к собственным внукам. Вскоре мои дети стали посещать мастеров Адзато и Итосу самостоятельно, как это делал я, когда был ребёнком. Они тоже полюбили искусство каратэ.

Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, сколь многому научили меня и моих детей эти замечательные люди. Где мне найти подходящие слова, чтобы выразить им свою благодарность?

КАРАТЭ-ДО

Урок мастера Мацумура

Среди окинавских мастеров каратэ, под руководством которых я тренировался, был мастер Мацумура Сокон, о котором рассказывали удивительную историю: он победил в поединке другого мастера каратэ, не нанося ему ни одного удара. Эта история широко известна и превратилась в легенду, которую рассказывают всюду. И всё же я повторю её вновь, потому что она очень хорошо раскрывает содержание подлинного духа каратэ.

Итак, в маленькой и довольно скромной мастерской в городе Наха один из местных жителей зарабатывал себе на жизнь гравировкой рисунков на различных предметах домашнего обихода. Хотя гравёру было уже за сорок, он был в самом расцвете сил: шея его напоминала шею быка, под короткими рукавами кимоно перекачивались бугры мышц, а круглые щёки были цвета бронзы или меди. Он был простым ремесленником, но мог любого силой заставить считаться со своим мнением.

Однажды в его мастерскую вошёл посетитель, который заметно отличался от хозяина по внешнему виду, но без сомнения обладал физической силой и сильным боевым духом. Он был явно моложе хозяина: никак не старше тридцати лет. Его мышцы, не были столь массивны, как у гравёра, но производили сильное впечатление. Этот незнакомец был очень высок, ростом не менее шести чи. Более всего поражали его глаза: их острый и пронизывающий взгляд напоминал взгляд могучего орла. Когда этот человек вошёл в мастерскую, лицо его было бледным, и он казался грустным. Голос его звучал чуть слышно. Он попросил гравёра сделать красивый рисунок на медном мундштуке его длинной курительной трубки.

Взяв трубку в руки, гравёр, которому сразу же стало совершенно ясно, что его посетитель занимает заметно более высокое положение в обществе, очень вежливо спросил:

- Извините меня, пожалуйста. Мне кажется... Вы, случаем, не Мацумура Сокон - знаменитый мастер каратэ?

- Да, это я, - последовал лаконичный ответ. - Ну, и что же?

- Ах, ну конечно, я не мог ошибиться! Я много лет мечтал стать вашим учеником! Но ответ молодого мастера каратэ на эту восторженную речь был довольно холодным.

- Извините,- сказал он.- Я больше не беру себе учеников.

Гравёр продолжал настаивать:

- Вы обучаете хансу, не так ли? Все вокруг твердят, что Вы - самый лучший учитель каратэ в Японии.

- Я, действительно, обучал хансу,- горько вздохнул молодой посетитель,- но не в моих правилах заниматься обучением кого бы то ни было. Кроме того, я уже не обучаю хансу. Если сказать Вам правду, то я сыт каратэ по горло!

- Что за странные вещи Вы говорите? - удивлённо воскликнул гравёр. - Как это могло случиться? Не будете ли Вы любезны объяснить мне, почему?

- Когда я занимался обучением каратэ, то не делал различий между хансу и обычным человеком. Вероятно, именно поэтому, пытаясь добросовестно научить моего господина приёмам каратэ, я потерял работу.

- Я не понимаю,- сказал гравёр. - Всем известно, что Вы - лучший, из живущих ныне учителей каратэ. Если не Вы теперь обучаете хансу, то кто же? Для всех должно быть очевидным, что заменить Вас не сумеет никто другой во всей стране.

- Действительно,- продолжал Мацумура,- я был назначен на должность учителя хансу, только благодаря своей репутации. Однако, мой ученик оказался неблагодарным. Он слишком часто пренебрегал отработкой техники, которая у него, несмотря на все мои усилия, оставалась очень несовершенной. Если бы я захотел, то мог бы поддаться и проиграть ему схватку, но от этого его мастерство в каратэ не улучшилось бы. Поэтому я указал хансу на его ошибки, а затем попросил атаковать меня в полную силу. Он бросился в атаку, пытаясь нанести мне удар нидангэри. Он провёл свою атаку довольно хорошо, но излишне говорить, что только самоуверенный новичок решится на такой удар в бою с противником, который во много раз опытнее его. Я решил использовать его ошибку, чтобы преподнести столь необходимый ученику урок. Я думаю, Вы хорошо знаете, что, поединок в каратэ - это смертельная схватка. Если один из противников допускает в ней ошибку, то он обречён, и исправить это невозможно. Вы всё это прекрасно знаете, а хансу не хотел этого знать. Пытаясь раскрыть ему глаза на истинное положение дел в его обучении, я мгновенно отбил его атаку ребром ладони и сбил его с ног. Ошеломлённый, он отлетел в сторону на несколько шагов.

- Хансу получил очень серьёзные травмы? - осторожно спросил гравёр.

- Плечо, рука и нога в том месте, где я ударил по ней ребром ладони, стали фиолетовыми,- молодой человек помолчал немного, а затем продолжил.- Довольно долго хансу не мог подняться с пола.

- Какой ужас! - воскликнул поражённый, гравёр. - После этого Вас тотчас же прогнали?

- Конечно. Мне было приказано немедленно удалиться и не появляться до тех пор, пока хансу не позовёт меня снова.

- Понимаю,- задумчиво сказал гравёр,- но я уверен, что хансу несомненно простит Вас.

- Я думаю, что нет. Прошло уже более ста дней после этого случая, но никаких известий от него не поступало. Я слышал, что он всё ещё очень сердит на меня и считает, что я слишком дерзок. Поэтому я очень сомневаюсь, что получу, прощение. Сейчас я думаю, что было бы лучше, если бы я никогда не пытался

обучать хансу. А ещё лучше было бы, если бы я вообще никогда не занимался каратэ.

- Успокойтесь,- сказал гравёр,- в жизни каждого человека есть взлёты и падения. Кстати, если Вы теперь не обучаете хансу, то почему бы Вам не позаниматься со мной?

- Нет! Никогда! - резко ответил ему Мацумура.- Я отказался от всякого обучения. Кроме того, почему Вы, человек с репутацией знатока каратэ, хотите брать уроки именно у меня? Мацумура при этом говорил правду: гравёр считался известным знатоком каратэ в окрестностях Наха и Сюри.

- Может быть, это не покажется Вам серьёзной причиной,- ответил ему гравёр,- но, мне, откровенно говоря, хотелось бы посмотреть на ваши знаменитые уроки и узнать, как Вы обучаете каратэ.

Возможно, в голосе гравёра прозвучали нотки иронии, задевшие молодого мастера? А может быть, он посчитал, что после обучения хансу ему не к лицу давать уроки каратэ простому ремесленнику? Как бы то ни было, Мацумура, вспыльчивый, как многие юноши, раздражённо воскликнул:

- Как Вы навязчивы! Сколько раз я должен Вам повторить - я не хочу обучать вас каратэ!

- В таком случае,- сказал гравёр голосом значительно менее любезным, чем в начале их беседы,- если Вы отказываетесь давать мне уроки, то, может быть, Вы не откажетесь сразиться со мной в поединке?

- Что Вы сказали? - изумлённо спросил мастер Мацумура.- Вы хотите сразиться в поединке со мной? Со мной?!

- Совершенно верно! А почему бы нет? В схватке сословные различия не имеют значения. Вы уже не обучаете хансу, поэтому его разрешения на поединок со мной вам не потребуется. И будьте уверены, я позабочусь о своих руках и ногах гораздо лучше, чем хансу,- грубо сказал гравёр, и это уже можно было считать оскорблением.

- О вас говорят, как о мастере каратэ, - ответил мастер Мацумура.- Я не знаю насколько Вы сильны, но не считаете ли Вы, что зашли слишком далеко? В нашем поединке будут не ушибы. Речь идёт о жизни или смерти. Неужели Вы сейчас так хотите умереть?

- Я этого просто жажду,- вызывающе ответил гравёр.

- Тогда я буду просто счастлив помочь вам,- воскликнул мастер Мацумура.- Никто не знает своего будущего, но старая пословица говорит, что если два тигра дерутся, то один из них обязательно будет ранен, а второй - убит. Победите Вы завтра или проиграете, но вернуться домой без травм Вы не сможете. Место и время нашего поединка предлагаю назначить вам. Гравёр предложил начать схватку в пять часов следующего утра, и мастер Мацумура согласился. Местом поединка было выбрано кладбище дворца Кинбу, которое, находится позади дворца Тама.

Ровно в пять часов утра противники находились друг против друга. Между ними было не более четырёх шагов. Первым атаковал гравёр, который двинулся вперёд и сократил дистанцию между противниками примерно наполовину. Свой

левый кулак он держал в позиции гэдан, а правый кулак оставил у бедра. Мастер Мацумура спокойно поднялся с камня, на котором он сидел, встал лицом к противнику в позицию сидзэнтай и опустил подбородок к своему левому плечу. Гравёр был сбит с толку поведением противника и недоумевал: не забыл ли знаменитый мастер Мацумура, где он находится и зачем. Казалось, что в его позиции защищаться просто невозможно! Гравёр приготовился нанести свой удар. Именно в этот момент его противник широко раскрыл глаза и своим взглядом словно проник в душу гравёра. Поражённый силой этого взгляда, как вспышкой молнии, гравёр отпрянул назад, а Мацумура Сокон даже не шелохнулся. Он неподвижно стоял на месте и по-прежнему казался совершенно беззащитным.

Холодный пот заструился по лбу и по спине гравёра, а его сердце забилось непривычно часто. Ноги его ослабели, и он присел на могильную плиту. Мастер Мацумура сделал то же самое.

- Что случилось со мной? - спрашивал себя гравёр.- Почему я весь вспотел? Почему моё сердце бьется так часто? Мы же ещё не обменялись ни одним ударом!

Затем он услышал голос мастера:

- Эй! Что с Вами? Солнце поднимается. Давайте продолжать поединок!

Оба противника встали, и мастер Мацумура вновь принял позицию сидзэнтай. Теперь гравёр решил любой ценой довести атаку до конца и двинулся вперед. Расстояние между бойцами быстро сокращалось: четыре шага... три... два... Тут гравёр остановился и был не в силах двинуться дальше, словно прикованный к месту неодолимой силой взгляда мастера Мацумура. Взгляд гравёра потускнел, и он стоял словно парализованный невероятной силой, которую излучали глаза противника. В то же время гравёр не мог отвести свои глаза в сторону. В глубине души он чувствовал, если он сделает это, случится что-то ужасное.

Как ему найти выход из этого положения? Неожиданно для самого себя он издал "киай", прозвучавший, как "Кийя!" Его слабый крик пронёсся над кладбищем и отразился от окружающих холмов. Мастер Мацумура по-прежнему спокойно стоял на месте. Под действием его взгляда гравёр вновь отступил растерянный и совершенно отчаявшийся.

- Что случилось с вами? - улыбнулся Мацумура Сокон.- Почему вы не атакуете? Нельзя же только кричать!

- Я не понимаю, что со мной,- ответил гравёр.- Никогда и никому я не проигрывал поединков. А сегодня...

Помолчав немного, он поднял голову и безнадёжно сказал:

- Да, продолжим! Результат поединка мне уже ясен, но давайте закончим, иначе я совершенно "потеряю лицо", а подобный позор хуже смерти. Я предупреждаю, что сейчас буду атаковать Вас "сутэми".

- Хорошо,- откликнулся мастер Мацумура,- продолжим наш поединок.

- В таком случае, прошу извинить меня за всё,- сказал гравёр.

Он бросился на противника, но в этот самый момент из горла Мацумура Сокон раздался крик такой силы, что он показался гравёру раскатом грома. Если прежде его парализовал пронизывающий взгляд мастера, то теперь это сделал его голос. Гравёр почувствовал, что не может пошевелиться, он сделал последнюю слабую попытку атаковать противника, а затем без сил мешком свалился на землю. Над ним, в ярких, лучах восходящего солнца, стоял победитель Мацумура. Лежащему на земле гравёру он казался древним божеством, поражающим демонов и драконов.

- Я сдаюсь,- прохрипел чуть слышно несчастный гравёр. - Я сдаюсь!

- Что?! - вскричал Мацумура Сокон.- Мастер не должен говорить подобные слова!

- Я был глупцом, когда вызвал Вас на поединок, - продолжал гравёр. - Теперь я вижу, что результат был предрешён с самого начала. Мне очень стыдно. Между нами не может быть никакого сравнения.

- Я не согласен,- вежливо возразил ему мастер Мацумура.- Ваш боевой дух изумителен. Вы подготовлены очень хорошо. Если бы наш поединок действительно состоялся, я мог бы и проиграть.

- Вы утешаете меня,- грустно ответил гравёр.- Я чувствовал себя совершенно беспомощным, глядя на Вас. Я был так напуган вашим взглядом, что потерял весь боевой дух.

- Возможно,- ответил Мацумура, - но я то знаю причину этого: вы всего лишь хотели выиграть поединок у случайно встреченной знаменитости, а я был готов умереть в случае поражения. Вот в чём было различие между нами. Вчера, когда я зашёл в вашу мастерскую, я был очень расстроен от того, что хансу прогнал меня. Ваш неожиданный вызов ошеломил и обеспокоил меня, но, как только мы условились о месте поединка, все мои сомнения исчезли. Я понял, что переживал о проходящем и мелочном: о том, как лучше угодить нашему хансу; как вернуть его расположение и прежнюю должность учителя каратэ... Сегодня я стал мудрее, чем был вчера. Я понял, что живой человек не может быть совершенным. После смерти мы все вновь превращаемся в исходные первоэлементы - землю, воду, огонь, ветер, воздух. Материальное - суть пустота. Всё в этом мире есть суэта сует. Мы все подобны траве на лугу или деревьям в лесу. Создания Вселенной, они воплощают в себе дух Вселенной, а дух Вселенной не имеет ни жизни, ни смерти. Наше тщеславие - вот наш главный порок.

Мацумура Сокон умолк. Гравёр также молчал, размышляя над бесценным уроком, который он получил от знаменитого мастера.

В последующие годы, рассказывая об этом случае друзьям, гравёр всегда рассказывал о своём противнике, как о человеке истинно благородном. Мастер Мацумура вскоре после этого случая вновь стал учителем хансу.

История каратэ

Письменных источников о ранней истории каратэ не существует, поэтому мы не знаем, кто создал и развивал это искусство, где оно зародилось и откуда началось его распространение. Сведения о ранней истории каратэ могут быть получены лишь из древних легенд, передававшихся устно, но в легендах, конечно же, есть доля вымысла и различные неточности.

В мои детские годы, совпавшие, как я уже упоминал ранее, с первыми годами Мэйдзи, каратэ было запрещено правительством. Возможности заниматься им открыто не было. Не существовало додзё каратэ и не было профессиональных учителей этого искусства. У мастеров, знавших каратэ, были немногочисленные ученики, которых они обучали тайно, но себе на пропитание они зарабатывали занятиями, совершенно не связанными с каратэ. Счастливчики, которым удалось стать учениками, занимались каратэ только из любви к этому искусству. Например, вначале я был единственным учеником мастера Адзато и одним из нескольких учеников мастера Итосу.

"Нелегальное положение" каратэ и отсутствие профессиональных учителей привели к тому, что письменному описанию техники и других аспектов каратэ уделялось очень мало внимания, о чём люди, подобные мне, которым судьбой было предназначено развивать и распространять каратэ, в последствии очень сожалели. Конечно, я не надеялся на восстановление всех утраченных сведений, но постарался добросовестно собрать то, что запомнил из рассказов моих учителей и легенд, которые существовали в то время, когда я жил на Окинаве.

Увы, к большому сожалению, я уже не всегда могу полагаться на свою память и прошу прощения за то, что неизбежно внесу свою долю ошибок. Тем не менее, я постараюсь рассказать то небольшое, что знаю о возникновении и развитии каратэ на Окинаве.

Рассказывают, что сам Наполеон однажды в разговоре отметил, что где-то на Дальнем Востоке есть очень маленькое королевство, в котором все люди не имеют никакого оружия. Скорее всего, он говорил об островах Рюкю, которые в наши дни являются частью префектуры Окинава.

Кажется очевидным, что каратэ должно было возникнуть, развиваться и распространяться среди островитян именно по этой причине: закон запрещал жителям островов ношение и применение любого оружия.

Следует заметить, что запрет на оружие на островах Рюкю устанавливался дважды: первый раз около пяти веков назад, а второй - двести лет спустя. До появления первого запрета остров Окинава разделялся на три враждующих между собой королевства: Тюдзан, Нандзан и Хокудзан. Королю Сё Хаси, правившему королевством Тюдзан, удалось силой объединить их. После этого он издал указ, запрещавший всем жителям острова иметь и носить оружие, в том числе даже старые заржавленные мечи. Он также пригласил выдающихся учёных, и государственных мужей всех трёх королевств в свою столицу - Сюри, чем заложил основы централизованного правления династии Сё на островах Рюкю, которое выдержало испытания временем и продолжалось около двухсот лет.

В 1609 году правящему в то время королю династии Сё Нэй пришлось собрать войско для защиты островов от вторжения армии Симадзу, правителя

княжества Сацума, расположенного в южной части острова Кюсю (ныне эта территория входит в состав префектуры Кагосима).

Воины клана Сацума по всей Японии славились своим боевым искусством и внушали страх своим врагам. Неподготовленная армия короля Сё Нэй яростно сражалась с профессиональной армией клана Сацума и даже одержала несколько побед, но судьбу островов решила неожиданная высадка армии Симадзу на Окинаве. Король Сё Нэй был захвачен в плен.

Симадзу вновь выпустил указ, запрещающий жителям островов иметь оружие, и тогда многие рюкюсцы (в основном из сословия сидзоку) начали тайно изучать искусство самозащиты без оружия.

Как всё это происходило в действительности, можно только предполагать, но известно, что в течение нескольких столетий жители Окинавы вели обширную торговлю с жителями южнокитайской провинции Фуцзянь. Можно предположить, что именно там находится источник, из которого китайское "кэмпо" было привезено на острова Рюкю. Кэмпо стало прародителем современного каратэ.

Когда я впервые услышал о боевом искусстве, оно называлось "Окинаватэ", но я помню, что ещё ребёнком я часто слышал разговоры взрослых о каратэ и Окинаватэ, как о разных понятиях. Тогда иероглиф "кара" в названии каратэ означал "Китай" или "китайский". После этого я начал понимать под "Окинаватэ" местную "окинавскую", а под каратэ - китайскую разновидности боевого искусства и всегда очень тонко чувствовал различие, если речь шла об этих двух видах боевого искусства.

В годы действия запрета на оружие из княжества Сацума на острова приезжали проверяющие, которые должны были убедиться в самом строгом исполнении запрета. Очевидно, что заниматься каратэ, которое в результате тяжёлых тренировок давало человеку силу и умение убивать без оружия, можно было только в глубокой тайне. Как я уже говорил ранее, обучение каратэ проводилось тайно и в первые годы правления Нэйдэи. Скорее всего, так было потому, что древний многовековой запрет всё ещё сохранился в памяти людей.

По моим личным наблюдениям, в народных танцах Окинавы используется множество движений, характерных для каратэ, и причина этого, как я думаю, в том, что наши предки, изучавшие каратэ в глубокой тайне, вводили его технические элементы в танцы, чтобы можно было запутать и обмануть представителей власти. Действительно, каждый, кто внимательно понаблюдает за движениями исполнителей народных танцев Окинавы (а они сейчас становятся всё более популярными в больших городах), заметит, что они сильно отличаются от более грациозных танцев других японских островов. Окинавские танцоры используют руки значительно энергичнее, а их выход на танцевальную площадку и завершение танца напоминают начало и конец исполнения всех ката каратэ.

Выражение "Каратэ начинается и кончается этикетом" включает в себе глубочайшую суть искусства каратэ-до. Что касается самой Окинавы, то её жители в течение многих веков считали свою страну местом, где строго соблюдаются все тонкости этикета.

Знаменитые "тории" установленные перед входом в королевский замок в древней столице острова - Сюри, назывались "Сюрэй но Мон" - "Ворота вежливости". После того, как к власти пришло правительство Мэйдзи, и Окинава стала префектурой, Сюрэй но Мон и королевский замок, к которому они относились, были объявлены национальным достоянием. Увы, тории Сюрэй но Мон больше нет: они были полностью разрушены во время битвы за Окинаву в конце Второй Мировой войны. По иронии судьбы, американская военная база расположена как раз на том месте, где прежде стояли знаменитые тории - прекрасный символ мира.

Изменение названия

Японский язык очень трудно познать в совершенстве, он не всегда так понятен и однозначен, как хотелось бы: различные по написанию иероглифы могут иметь одинаковое произношение, а один и тот же иероглиф может произноситься по-разному, в зависимости от его употребления. Слово "каратэ" является прекрасным примером подобного случая.

С иероглифом "тэ" разобраться просто - он означает "рука" или "руки", но существуют два совершенно разных иероглифа "кара", которые произносятся одинаково, но означают различные понятия.

Один иероглиф означает понятие "пустой", а другой является заимствованным из китайского языка иероглифом, обозначающим династию императоров Тан, и его можно перевести, как "китайский".

Какими же иероглифами правильно записывать название окинавского боевого искусства: теми, сочетание которых означает "пустая рука" или же теми иероглифами, которые означают "китайская рука"?

Мне кажется, я не ошибусь, если скажу, что до того самого момента, когда в 1922 году я приехал в Токио с Окинавы, чаще использовали иероглиф "китайский". Правда, это ни в коей мере не означает, что употребление иероглифа "кара", имеющего значение "китайский", было единственно правильным.

Действительно, на Окинаве мы использовали слово "каратэ", но чаще мы называли это искусство просто "тэ" или "буси но тэ". Таким образом, мы могли говорить о человеке, изучающем "тэ" или владеющем приёмами "буси но тэ". О том же, когда вместо слова "тэ" на Окинаве стали употреблять слово "каратэ" я не смею делать даже предположения, поскольку не существует письменных источников, которые могли бы дать нам хоть малейший намёк (не говоря уже о точных сведениях) на то, какой из иероглифов использовали.

Более вероятно, что использовали иероглиф "китайский", потому что в течение длительного времени Окинава находилась под сильным влиянием Китая, и всё китайское считалось прекрасным и модным. Но я хочу ещё раз подчеркнуть, что всё это - лишь догадки.

На самом деле два различных направления "тэ", которые существовали и развивались на Окинаве, правильнее было бы называть "Сюритэ" и "Нахатэ", по

названиям двух различных школ каратэ на острове. Однако, иероглифы, означающие "китайская рука", получили большее распространение, поэтому многие люди на острове стали считать каратэ разновидностью китайского кэмпо. Даже в наши дни есть люди, которые думают так. В действительности современное каратэ заметно отличается от древнего китайского боевого искусства.

Обдумав все эти факты, я решил, что будет неправильно называть окинавское боевое искусство, имеющее многовековую историю, термином, означающим "китайская рука". Через несколько лет после приезда в Токио, мне представилась возможность выразить своё несогласие с традиционным способом записи названия. Это случилось, когда в университете Кэйо была создана группа по изучению каратэ, и я внёс предложение об изменении названия этого боевого искусства на "Дай Ниппон Кэмпо Каратэдо" ("Великое японское искусство борьбы голыми руками"), при этом в названии был использован иероглиф со значением "пустой", а не иероглиф со значением "китайский".

Сначала моё предложение встретило сопротивление и в Токио, и на Окинаве, но я был убеждён в необходимости такого изменения и считаю это правильным до сих пор. С того времени изменённое мною название получило такое широкое признание, что сегодня всем показалось бы странным писать слово "каратэ" с иероглифом "кара", означающим "китайский".

Иероглиф "кара" в значении "пустой" без сомнения более соответствует глубинной сути этого искусства. С одной стороны, он символизирует тот факт, что в каратэ не используется оружие: "оружием" служат босые ноги и голые руки. С другой стороны, изучающие каратэ ставят своей целью не только изучение техники самозащиты, но и нравственное воспитание и очищение своего сердца и сознания от тщеславия и эгоизма.

Читая буддистские сутры, мы можем встретить выражения "сики соку дзэ ку" и "ку соку дзэ сики", которые дословно означают: "материя суть пустота" и "всё есть суэта суэт". Иероглиф "ку", который встречается здесь дважды, может также произноситься, как "кара", и в этих выражениях даёт наиболее полное воплощение сути понятия "пустой".

Я тоже верю, что пустота есть первооснова материи и всего мироздания, поэтому я упорно настаивал на употреблении иероглифа "кара", означающего "пустой", в названии боевого искусства, которому я посвятил всю свою жизнь.

Можно было бы ещё многое сказать об иероглифе "кара", означающем "пустой", и концепции пустоты, но объём книги ограничен и для этих философских проблем нет места, поэтому я воздержусь от более детального их обсуждения. Подробнее я рассматриваю эти вопросы в моей книге - "Каратэдо кихон".

Как только я осознал своё жизненное предназначение и понял, что судьбой мне суждено отдать все свои силы развитию каратэ и превращению его в часть японской национальной культуры, я начал проводить в жизнь некоторые другие изменения и упрощения.

Прежде всего, стремясь к тому, чтобы каратэ было включено в программу физического воспитания японских средних школ, я пересмотрел все известные мне ката с целью их упрощения. Это было необходимо для того, чтобы каратэ могло использоваться в целях физической подготовки без каких-то ограничений молодыми и старыми, мальчиками и девочками, мужчинами и женщинами. Замечу, что каких-то жёстко установленных правил исполнения ката в то время не существовало. Ката часто изменялись не только с течением времени, но и в зависимости от исполнителя.

Я не вижу в моих упрощениях отступления от традиций. Изменяется время, изменяется мир, и совершенно очевидно, что должны изменяться боевые искусства. Каратэ, которое изучают сегодня в спортивных клубах университетов, заметно отличается от каратэ, существовавшего десять лет назад, и очень отличается от каратэ, которое я изучал в детстве на Окинаве.

Другим вопросом, которому я уделил много внимания, было изменение традиционных названий ката. Вскоре после моего приезда в Токио в 1922 году издательство "Букёса" опубликовало мою первую книгу - "Рюкю кэмпо: каратэ". В то время слово "каратэ" ещё означало "китайская рука", и названия почти всех ката, о которых я писал в книге, имели чисто окинавское происхождение: Пинан, Найфанти, Тинто, Бассай, Сэйсан, Дзютэ, Дзион, Сантин и многие другие. Это были названия, которые я слышал много лет назад от моих первых учителей.

В Японии никто не имел ни малейшего понятия об их происхождении, с ними ничего не было связано и японцам запомнить их было очень трудно. Очевидно, что изменив само название моего боевого искусства и превратив "китайские руки" в "пустые руки", я стал изменять названия ката на более понятные и близкие для японцев. Теперь эти названия используются во всём мире: Тэн но ката, Ти но ката, Хито но ката, Эмпи, Ганкаку, Хангэцу, Мэйкё, Хакко, Киюн, Сёто, Сёин, Хотакү, Сёкё и так далее.

Хочу заверить читателей, что я не питаю ложной уверенности в неизменности и вечности выбранных мною названий. Я не сомневаюсь, что, с течением времени, ката будут снова и снова менять свои названия, потому что так и должно быть.

Единое каратэ-до

Серьёзной проблемой современного каратэ-до я считаю существование множества различных "школ". Мне кажется, что это вредно влияет на дальнейшее развитие боевого искусства. На Окинаве в прежние времена было, как мы знаем, две школы - Нахатэ и Сюригэ. Считалось, что они соответствуют двум стилям китайского кэмпо - Удан и Сёриндзи, которые развивались во времена китайских династий Юань, Мин и Цин. Основателем школы Удан считается некий Чжан Саньфэн, а основателем школы Сёриндзи - Дарума (Бодхидхарма), первый патриарх дзэн. Нам известно, что обе эти школы пользовались большой

популярностью в народе, и их приверженцы часто устраивали показательные выступления.

Легенда рассказывает нам, что школа Удан получила своё название от китайских гор, где впервые начали развивать этот вид борьбы. Сёриндзи - японское название монастыря Шаолинь в китайской провинции Хэнань, где Дарума проповедовал дзэн.

Согласно одному из вариантов легенды, его послушники были физически слабы и не могли вынести тех испытаний, которым он их подвергал. После того, как его ученики совершенно выбились из сил, Бодхидхарма приказал им каждое утро тренировать своё тело так, чтобы сознание и сердце каждого ученика были способны принять его учение, и послушники могли следовать по пути Будды. Его метод тренировки был разновидностью китайского бокса, которая стала известна впоследствии, как Сёриндзи кэмпо. Однако, независимо от того, какая часть легенд воспринимается нами, как исторический факт, я думаю, нет сомнений в том, что китайский бокс, преодолев море, попал на Окинаву, где был соединён с окинавским стилем кулачного боя, и в результате этого синтеза родилось новое боевое искусство, известное сейчас, как каратэ.

В прежние времена считалось, что две школы китайского бокса соответствуют двум школам боевого искусства Окинавы - Сёринрю и Сёрэйрю, но какое точно соотношение существовало между ними, нам установить невозможно: это скрыто в глубинах времени. То же самое справедливо и относительно школ Сюригэ и Нахатэ.

Достоверно нам известно лишь то, что техника школы Сёрэй больше подходила для человека крепкого телосложения, а техника школы Сёрин - для людей менее сильных физически и хрупкого телосложения. Обе школы имели свои преимущества и недостатки. Школа Сёрэй, например, учила более эффективным формам самозащиты, но ей не хватало подвижности, присущей школе Сёрин. В технике современного каратэ сочетаются лучшие качества обеих школ.

И вновь я повторяю, что так оно и должно быть. В современном каратэ нет места различным школам. Мне известно, что некоторые учителя каратэ претендуют на роль "создателя школы" на том основании, что они изобрели новое и необычное ката. Я также слышал, что меня и моих коллег считают представителями школы Сётокан, но я категорически против попыток подобной классификации. Я абсолютно уверен, что все эти "школы" обязательно должны быть объединены в одну так, чтобы каратэ-до могло развиваться планомерно и с максимальной пользой для будущего человечества.

Моя жена и каратэ

Я уже упоминал, что моя семья принадлежала к сословию сидзоку. Мой дедушка по отцу, Фунакоси Гифуку, был известным учёным конфуцианцем, и, как у большинства учёных, у него не было денежных забот, то есть у него не было

денег, о которых ему следовало беспокоиться. Однако, дедушка пользовался расположением хансу, и его почётной обязанностью было обучение вдовствующих дочерей хансу конфуцианской этике. Эти частные уроки проводились в Кунтоку Дайкун Готэн, женском дворце. В этом же дворце находилось место поклонения предкам хансу. Всем мужчинам было запрещено входить во дворец, где жили дочери хансу, но для дедушки делалось исключение.

Когда Фунакоси Гифуку стал слишком стар для того, чтобы проводить обучение, он оставил свой пост. В благодарность за хорошую работу хансу подарил ему дом в районе Тэйраматэ, вблизи дворца. После реставрации Мэйдзи дедушка Гифуку получил крупную сумму денег. К сожалению, вскоре после его смерти всё имущество и деньги, которые он завещал моему отцу, были им растрчены.

Но отец, в отличие от меня, был высоким и статным мужчиной. Все знали его, как хорошего мастера бодзюцу, и ещё он хорошо пел и танцевал. К большому несчастью, он был горьким пьяницей. Уверен, что именно это было главной причиной того, что богатое наследство деда уплыло из рук нашей семьи. Мне с детства запомнилось, что мы не имели своего дома и всегда арендовали жильё.

Из-за нашей относительной бедности я женился лишь после двадцати лет - в возрасте "весьма почтенном" для женитьбы на Окинаве того времени. Моё жалование учителя начальной школы составляло только лишь три йены в месяц. На эти небольшие деньги я должен был содержать не только жену, себя и своих родителей, но и ближайших родственников. Здесь следует сказать, что в то время учителям не разрешалось выполнять какую-либо дополнительную работу. Кроме того, я очень усердно занимался каратэ, которое, не приносило мне ни сены дохода.

Как же мы жили: семья из десяти человек на три йены в месяц?! Умудрялись мы делать это только благодаря трудолюбию и терпению моей жены. Она до поздней ночи ткала местную ткань "касури", за которую платили, по шесть сен за кусок. На заре она вставала и шла на маленькое поле, расположенное довольно далеко от дома, на котором она выращивала немного овощей для нашей семьи. Иногда я помогал ей, но в то время для школьного учителя считалось очень неприличным работать в поле вместе с женой, поэтому я не мог ходить с ней очень часто, а если всё же ходил, то надевал широкополую соломенную шляпу, закрывающую лицо, чтобы меня не узнали.

Не знаю, когда жена находила время для сна, но я не слышал от неё ни одного упрёка, ни слова жалобы. Ни разу она не предложила мне заняться делом более полезным, чем тренировки по каратэ каждую свободную минуту. Напротив, она считала, что мне следует продолжать занятия. Жена сама заинтересовалась каратэ и часто внимательно наблюдала за моими тренировками. Если она чувствовала себя особенно плохо, то, в отличие от большинства женщин, не ложилась и не просила кого-то из детей помассировать ей руки и плечи. Это могла бы просить любая другая женщина, кто угодно, но не моя жена!

Чтобы стряхнуть усталость со своего измученного тела, она выходила во двор и выполняла несколько каратэ ката! Со временем ее движения стали такими же красивыми, сильными и точными, как у настоящего мастера.

В те дни, когда я не ходил на тренировки к мастерам Адзато или Итосу, я занимался во дворе нашего дома самостоятельно. Однажды несколько юношей, живших по-соседству и наблюдавших за моими занятиями, подошли ко мне и попросили меня обучать их каратэ. Я охотно согласился, но когда я задерживался в школе, то в этих случаях, возвращаясь домой, я находил своих учеников, которые занимались под наблюдением моей жены. Она подбадривала юношей и поправляла их, если они допускали ошибки. Внимательно наблюдая за моими тренировками и тренируясь самостоятельно, она достигла полного понимания каратэ.

За аренду нашего дома мы ежемесячно платили двадцать пять сен, что было довольно большой суммой по тем временам. Нашими соседями были мелкие торговцы и рикши. Одни торговали домашними тапочками или галантереей, другие - бобовой похлёбкой, которую мы называли "тофу". Вся эта публика часто выпивала и буянила.

В такие моменты, как правило, именно моя жена вмешивалась в ссору и восстанавливала мир. Ей почти всегда удавалось сделать это, даже если ссора перерастала в драку, а ведь навести порядок в такой ситуации непросто даже сильному мужчине. Естественно, выступая посредником, она пользовалась не физической силой, а полностью полагалась на силу убеждения. Таким образом, моя жена, восхищавшая домашних своим усердием и бережливостью, среди соседей была известна, как знаток каратэ и искусный примиритель.

Конец секретности

В 1901 году, если я это правильно помню, нашу школу посетил Огава Синтаро, школьный инспектор префектуры Кагосима. Среди многочисленных представлений, которые были организованы для него, состоялись показательные выступления по каратэ. Эта демонстрация каратэ произвела на инспектора Огава очень сильное впечатление.

Значительно позже я узнал, что после своего возвращения из инспекционной поездки он составил для министерства просвещения подробный доклад, в котором очень высоко оценил достоинства каратэ. После его доклада каратэ было введено в учебную программу общеобразовательной средней школы префектуры и в программу средней мужской школы. С древнего боевого искусства, которое я изучал в тайне, наконец-то сняли запрет, и оно даже было одобрено министерством просвещения! Я не знал, как выразить мою

глубочайшую признательность Огава, но решил посвятить всю свою жизнь и все силы развитию каратэ.

После введения каратэ в программу средней школы, оно неизбежно начало оказывать своё влияние на самых различных людей. Средние школы, юношеские организации и даже начальные школы использовали это искусство самозащиты, как средство физического воспитания. Многие люди стали обращаться ко мне с вопросами и за советами. Получив разрешение у своих учителей - Адзато и Итосу, я объявил, что буду набирать учеников для преподавания основ техники, и до сих пор помню чувство радости, которую я испытал, стоя перед первой группой моих "официальных" учеников.

Несколько лет спустя, капитан Рокуро Ясиро, ставший в последствии адмиралом, прибыл на своём учебном корабле в один из ближайших портов. Во время этого визита он пришёл посмотреть исполнение каратэ ката учениками моей школы. Увиденное произвело на него такое сильное впечатление, что он тут же приказал офицерам и членам команды посмотреть наше показательное выступление и самим заняться изучением этого искусства. Я думаю, что тогда японские моряки впервые увидели выступления мастеров каратэ.

В 1912 году в заливе Тюдзо бросили якоря корабли японского флота под командованием адмирала Дэва. В течение недели моряки приходили к нам в школу, наблюдали и изучали каратэ. Таким образом, благодаря энтузиазму капитана Рокуро Ясиро и адмиралу Дэва, о каратэ узнали в Токио и других городах Японии. Однако прошло ещё не менее десяти лет, прежде чем в Японию приехали мастера с Окинавы и начали обучение этому искусству,

В 1921 году наследный принц Японии, а ныне император, во время своего путешествия в Европу посетил Окинаву. Капитан Канна Норикадзу, командир эсминца, на котором путешествовал принц, родился на Окинаве, поэтому я думаю, что именно он предложил принцу посмотреть показательные выступления по каратэ. Это событие произошло в Большом Зале замка Сюри, и я был удостоен чести выступать перед принцем. Много лет прошло с того дня, но я прекрасно помню, какое большое волнение мне довелось испытать. Позднее мне передали слова принца о том, что на Окинаве его поразили три вещи: прекрасные пейзажи острова, статуя дракона в Волшебном Фонтане замка Сюри и... каратэ.

Незадолго до визита принца на Окинаву я оставил должность школьного учителя. Это покажется вам странным, но мой уход был вызван моим должностным повышением. Школьное начальство предложило мне отправиться на один из удалённых островов архипелага, куда я был назначен директором начальной школы. Отказаться от этого назначения я не мог, но в это время моя больная мать была прикована к постели, и я, её единственный сын, не мог оставить её одну, поэтому мне не оставалось ничего другого, кроме заявления об отставке.

Закончились целых тридцать лет моей учительской жизни, но мои связи с системой народного образования на острове сохранились. Я посоветовался с Макаина Сёко, заведующим Библиотекой Префектуры Окинава, и Суёси Бакумонто, издателем газеты "Окинавские новости", и организовал "Общество

помощи студентам Окинавы", а позднее стал его директором. Одновременно, с помощью моих друзей, я создал "Окинавскую ассоциацию боевых искусств" ("Сёбукай"). Деятельность этой организации была направлена на объединение всех школ окинавского каратэ.

КАЧЕСТВА КАРАТЭКА

Сильнее тайфуна

Я думаю, что для более объективного описания моих юношеских поступков лучше предоставить слово другому человеку, чем делать это самому, поэтому, преодолевая чувство стыда, я предлагаю вам прочитать рассказ Тогава Юкио. Я не беру на себя ответственности за его слова, но уверяю читателей: всё рассказанное - правда. Читатели могут увидеть в моем поступке долю безумия, но я об этом не жалею.

"Небо повсюду было чёрным, и над самой землёй стремительно летел жутко воющий смерч, уничтожавший всё, стоявшее на его пути. Толстые ветви больших деревьев ломались, как прутьи, пыль и мелкие камешки летали по воздуху и больно впивались в лица людей.

Окинава известна, как "остров тайфунов", и жестокость её тропических штормов неопишима. Дома на Окинаве строят низкими и прочными, чтобы они могли противостоять бешеному напору ветров, которые каждый год опустошают остров во время сезона тайфунов. Кроме того, дома окружают высокими каменными стенами, а черепицу, покрывающую крыши, скрепляют строительным раствором. Однако морские ветры бывают так сильны, что несмотря на все эти предосторожности, дома во время тайфунов дрожат и качаются.

Все жители Сюри укрылись в своих домах и молились о том, чтобы тайфун быстрее пронёсся мимо и не причинил вреда. Нет, я ошибся, когда сказал, что все жители Сюри спрятались дома: я вижу, что на крыша одного из домов в районе Ямакаватё стоит юноша и бесстрашно сражается с тайфуном.

Каждый, увидев эту одинокую фигуру, может подумать, что перед ним сумасшедший. На юноше только набедренная повязка. Он стоит на самом краю крыши и держит обеими руками татами для защиты от бушующего ветра. Время от времени ветер сбрасывает юношу вниз, поэтому его почти голое тело покрыто липкой грязью.

Юноше около двадцати лет или меньше. Он небольшого роста, чуть выше пяти чи, но у него широкие плечи и большие бицепсы. Его волосы причёсаны, как у борцов сумо: пучок волос заколот маленькой серебряной булавкой, что говорит о его принадлежности к сословию сидзоку.

Редких прохожих привлекает выражение его лица: широко раскрытые глаза излучают таинственный свет; открытый лоб, медно-красная кожа. При порывах ветра юноша сжимает зубы к кажется, что весь он излучает огромную энергию. Его легко можно принять за бронзовую статую стража древних императоров Японии.

Вот юноша на крыше присел и, удерживая в руках татами, сопротивляется бушующему ветру. Его стойка производит впечатление невероятной силы и прочности. Каждый, кто знает каратэ, тотчас определит, что юноша стоит в кибадати, наиболее устойчивой из всех стоек каратэ.

Ясно, что он использует силу тайфуна для совершенствования техники и укрепления тела и духа. Сильный порыв ветра налетел на юношу и ударил его со всей своей силой, но он стоял так прочно, что даже не шелохнулся.

Он был сильнее тайфуна."

Мудрость хабу

На Окинаве водится очень ядовитая змея, которую называют "хабу". В настоящее время её укус не так опасен, как в годы моей молодости, когда единственным средством спасения человека, укушенного змеей в ногу или руку,

была только срочная ампутация. Сейчас получена эффективная вакцина от укусов змеи, но её необходимо ввести пострадавшему, как можно быстрее. Окинавская хабу иногда достигает длины более двух метров, поэтому лучше с ней не встречаться.

Давно, задолго до изобретения вакцины, я отправился ночью к дому мастера Адзато на очередное занятие по каратэ. Это было через несколько лет после моей женитьбы, и я попросил своего старшего сына, который в то время учился в начальной школе, сопровождать меня и нести маленький фонарик, который освещал нам путь в ночи.

Когда мы проходили через деревню Сакасита, расположенную между Наха и Сюри, то миновали старый храм древней и почитаемой богини милосердия, которую в Японии сегодня называют богиней Каннон. Как только храм остался позади, я увидел на дороге какой-то предмет, который вначале принял за кучу конского навоза, но, когда мы подошли ближе, я понял, что это - живое существо. И не просто живое существо, а хабу, которая свернулась в кольца и злобно смотрела на нас, приготовившись к атаке.

Когда мой маленький сын близко увидел её, пронизывающие глаза, которые сверкали в ночи при свете фонаря, и длинный раздвоенный язык, высовывающийся наружу, он закричал от страха и, бросившись ко мне, обхватил мою ногу. Я быстро толкнул его себе за спину, выхватил из его рук фонарь и начал медленно покачивать его из стороны в сторону, пристально глядя в глаза змее. Сейчас я не могу сказать, как долго это продолжалось; наконец, хабу, всё ещё глядя на меня, уползла в темноту и скрылась на картофельном поле. Только тогда я увидел, какой длинной и какой толстой была эта хабу.

Я, конечно, часто встречал хабу и ранее, но до этого никогда не видел её готовой к атаке. Я, как и все окинавцы, хорошо знал о дурных привычках этих змей и очень сомневался, что хабу уползла прочь так покорно и даже не попыталась напасть на нас. Поэтому, хотя мне было очень страшно и неприятно, я с фонарём в руках медленно двинулся дальше в поле, чтобы прогнать опасную змею.

Вскоре я увидел два красных огонька в глазах, отражающих свет фонаря, и понял, что хабу приготовила мне ловушку и теперь ждала, когда я попаду в неё. Увидев меня и фонарь, которым я размахивал, змея отказалась от нападения и навсегда исчезла в темноте.

Я вернулся к сыну, и когда мы продолжили наш путь к дому Адзато, сказал ему: "Эта хабу дала нам важный урок. Она хорошо знакома с тактикой каратэ. Уползая от нас в поле, она вовсе не убегала. Отступая, она готовилась к атаке! Эта хабу очень хорошо понимает дух каратэ."

Самообладание

Я хочу рассказать о двух случаях, которые, как я думаю, помогут читателю понять сущность каратэ-до. Оба случая произошли много лет назад на Окинаве, и

оба показывают, как можно победить противника без драки. Первый случай произошёл на дороге, которая вела к загородному дому прежнего правителя Окинавы. В этот дом он приезжал отдохнуть вместе с женой и детьми. Дом находился на расстоянии не более одного кайри от Сюри, а дорога к нему пролежала юго-западнее замка Сюри. Вся дорога была вымощена камнями, а по её обочинам росли величественные криптомерии. В парке возле дома стоял чайный домик, построенный в старинном стиле Нара, из которого открывался чудесный вид на Тихий океан. После реставрации Мэйдзи этот дом перестал быть частным владением наместника и был открыт для свободного посещения.

Однажды вечером я пошёл туда вместе с мастером Итосу и ещё шестью его учениками на праздник любования луной. В нашей компании собрались люди близкие по духу, мы беседовали о каратэ, декламировали стихи и забыли о времени.

Наконец, мы решили, что пора отправляться, домой и дружно направились в Сюри по хорошо знакомой дороге. Луна скрылась за тучами, поэтому юноши несли фонари и освещали дорогу учителю. Внезапно юноша, который шёл первым, крикнул, чтобы мы погасили все наши Фонари. Мы сделали это только после того, как услышали, что на нас собираются напасть. Нападающих было примерно столько же, сколько было нас, и с этой точки зрения силы были равны. Однако, если наши противники не знали каратэ, то их ожидало неизбежное и быстрое поражение.

Было очень темно, и мы не могли разглядеть ни одного лица. Я ожидал указаний от мастера Итосу, но он только приказал всем нам: "Встаньте спиной к луне! Всем быстро встать спиной к луне!" Это удивило меня. Я был уверен, что учитель даст нам возможность на практике проверить наши познания в каратэ. Мы все были готовы немедленно вступить в бой с этой "бандой убийц", а мастер Итосу приказал нам только лишь повернуться спиной к луне!? Казалось, что в этом нет никакого смысла!

Потом Итосу тихо шепнул мне: "Фунакоси, почему бы тебе не сходить и не поговорить с ними? Может быть, в душе они неплохие люди. Если ты им скажешь, что среди вас нахожусь я, то это может решить все проблемы". Я послушался его и пошёл к стоявшей на нашем пути "банде". "Один из них идёт к нам,- услышал я чей-то крик.- Приготовьтесь!" Ситуация обострилась до предела и мне казалось, что вот-вот начнётся общая драка.

Когда я приблизился к нашим возможным противникам, то увидел, что все они закрыли свои лица полотенцами, чтобы их нельзя было узнать. Следуя совету, я вежливо сказал, что в нашей компании находится мастер Итосу, а мы все - его ученики. "Может быть, вы обознались и ищите не нас?" - спросил я.

"Итосу? Кто это? - промычал один из бандитов.- Я никогда не слышал о таком!" Другой бандит, увидев, как я мал ростом, крикнул мне: "Эй! Ты же совсем ребёнок! А чем занимаешься? Суёшь свой нос в дела взрослых. Проваливай отсюда!" С этими словами он попытался схватить меня за грудь. Я принял боевую стойку, но в это время услышал голос мастера Итосу: "Попробуй без драки, Фунакоси! Выслушай, что они хотят сказать. Говори с ними".

"Хорошо,- обратился я к одному из бандитов,- что вы имеете против нас? Скажите!" Но прежде чем кто-то из нападающих успел мне ответить, к нам подоспела ещё одна компания людей, которые были очень сильно пьяны. Возвращаясь домой, все они громко пели. Как только эти люди поняли, что здесь назревает конфликт, они громко закричали в предвкушении хорошей кровавой драки. Потом один, наиболее трезвый в этой компании, узнал нашего учителя: "Вы - мастер Итосу, не так ли? Или это не Вы? Конечно, это - Вы! Что же случилось?" После этого он обратился к банде, которая собиралась напасть на нас: "Вы что, с ума сошли? Неужели Вы не знаете, кто эти люди? Это же сам Итосу, мастер каратэ, со своими учениками. Десять и даже двадцать таких горьких пьяниц, как вы, не смогут победить их в драке. Советую вам извиниться и побыстрее уносить свои ноги отсюда!"

Конечно, никаких извинений не последовало, но, посоветовавшись немного между собой, бандиты исчезли в темноте. После этого мастер Итосу дал нам другое указание, которое было не менее странным. Вместо того, чтобы продолжить путь, он предложил нам вернуться назад и пойти в Сюри другой, более длинной дорогой. За время пути сэнсэй не сказал ни слова о случившемся, но возле своего дома он попросил нас никому не говорить о том, что было.

"Сегодня ночью вы все вели себя правильно,- сказал он,- и я не сомневаюсь, что вы, мальчики, станете настоящими каратэка, но никому не говорите ни слова о том, что произошло сегодня ночью! Никому, понимаете?"

В последствии я узнал, что напавшие на нас "бандиты" приходили к мастеру Итосу, чтобы извиниться. Оказалось, что люди, принятые нами за бандитов, на самом деле были всего лишь "санка", то есть наёмными работниками в деревне.

В деревнях Окинавы гонят очень крепкий спиртной напиток, называемый "авамори". Наши ночные противники слишком много выпили. Они были всего лишь пьяными драчунами, которые хотели на ком-нибудь испытать свои силы.

Только тогда я понял, как мудро поступил Итосу, решив вернуться в Сюри по другой дороге, чтобы избежать возможной драки. Именно в этом и заключается подлинная суть каратэ. Мне стало очень стыдно при мысли о том, что, если бы среди нас не было мастера Итосу, то я применил бы своё умение против совершенно неподготовленных людей.

Второй случай чем-то напоминает первый, но закончился он более удачно. Чтобы дальнейшее было понятно, я должен несколько слов сказать о семье моей жены. Все её родственники в течение многих лет выращивали сладкий картофель и проводили опыты селекции, пытаясь вывести улучшенный сорт. Семья жены долгое время была зажиточной, но после реставрации Мэйдзи для неё наступили тяжёлые времена. Родителям жены пришлось переселиться в деревушку Маваси, расположенную примерно в двух кайри от города Наха. Отец жены был убеждённым сторонником "упрямых" и запомнился мне тем, что иногда совершал неожиданные для окружающих поступки. В хорошую погоду он, как правило, работал в поле, а во время дождей оставался дома и читал книги.

Моя жена очень любила своего отца. В один из праздничных дней она вместе с детьми ушла к нему в гости, намереваясь побыть у него подольше и отдохнуть. После обеда я отправился за ними, потому что не хотел, чтобы жена и дети в темноте возвращались домой одни.

Пустынная дорога в Маваси петляла между густыми зарослями криптомерии, и в опустившихся на землю сумерках стало совсем темно. Не удивительно, что я был застигнут врасплох, когда из лесных зарослей неожиданно выскочили два человека и преградили мне дорогу. Лица их были замотаны полотенцами, и я понял, что они не шутят и готовы к драке.

- Эй, ты! - грубо крикнул мне один из них.- Не стой там, как будто ты оглох и онемел. Ты знаешь чего мы хотим. Давай, говори! Скажи мне "Добрый вечер, господин!" Расскажи нам, какой прекрасный сегодня день. Не трать наше время, мелюзга, или ты пожалеешь. Обещаю тебе это! Чем больше он говорил, тем спокойнее я становился. По тому, как говоривший со мной сжимал свои кулаки, я понял, что он не знает каратэ. Второй человек, в руках которого была тяжёлая дубинка, тоже не был знаком с каратэ.

- Может быть вы ошиблись и приняли меня за кого-то другого,- обратился я к нападающим.- Уверен, что здесь какая-то ошибка. Я думаю, если мы поговорим...

- Заткнись, козьявка,- закричал тот, что был с дубинкой.- За кого ты нас принимаешь? С этими словами они подошли ко мне поближе, но я не испытывал страха.

- Мне кажется,- продолжал я,- что вы хотите подраться, лучше не делайте этого. Драка не принесёт вам пользы, потому что.

В это время второй нападающий поднял над головой свою тяжёлую дубинку.

...потому что,- быстро сказал я,- если бы я был уверен в победе, то стал бы драться, а я знаю, что мне не победить вас. Так зачем же драться? Разве это имеет смысл?

После этих слов мои противники сразу же совершенно успокоились.

- Ладно,- сказал один из них,- для драки ты действительно не годишься. Давай сюда свои деньги.

- У меня их нет,- ответил я, выворачивая пустые карманы.

- Тогда, давай табак!

- Я не курю.

С собой у меня было лишь несколько "мандзю" - лепёшек, которые я собирался возложить в качестве жертвы на алтарь предков в доме своего тестя.

- Вот,- сказал я нападающим,- возьмите себе это.

- Только мандзю,- они были разочарованы.- Ладно, это лучше, чем ничего. Взяв лепёшки, один из них сказал:

- Проваливай отсюда, мелюзга, и будь осторожен на этой дороге. С этими словами они оба скрылись в густом придорожном лесу.

Несколько дней спустя во время беседы с мастерами Адзато и Итосу, я рассказал им об этом случае. Первым меня похвалил мастер Итосу. Он сказал, что

я вёл себя очень достойно, и теперь он считает, что время, которое он потратил на моё обучение, не пропало зря.

- Но,- сказал сэнсэй Адзато улыбаясь,- если у тебя не было мандзю, что же ты возложил на алтарь предков в доме тестя?

- Поскольку у меня ничего не было, я от всего сердца помолился.

- Хорошо,- воскликнул мастер Адзато. - В самом деле хорошо! Вот истинный дух каратэ! Наконец-то, Фунакоси, ты начинаешь понимать его суть.

Изо всех сил я старался подавить в себе чувство гордости. Хотя ни один из мастеров не похвалил меня во время занятий за исполнение ката, они хвалили меня сейчас за мой достойный каратэ поступок.

Самонадеянность

Это случилось в день моего тридцатилетия. Вечером я возвращался из Наха в Сюри. Дорога была пустынной и проходила мимо храма Согэндзи. Слева от дороги находилось кладбище, а неподалёку располагался большой пруд, в котором в древние времена самураи поили коней. На берегу пруда была небольшая лужайка, в центре которой стоял помост из камней. На этом помосте юноши соревновались в окинавской борьбе на руках. Когда я проходил мимо помоста, на нём соревновались несколько юношей. Как я уже говорил ранее, окинавская борьба на руках несколько отличается от подобной борьбы в других частях Японии. Я очень любил эту борьбу и, должен признаться, был очень уверен в своих силах.

Я остановился возле помоста и некоторое время наблюдал за борцами. Вдруг один из них крикнул, обращаясь ко мне:

- Эй, ты! Иди сюда и попробуй с нами свои силы! Конечно, если ты не боишься.

- Правильно,- поддержал его другой.- Нечего тебе тут стоять и глазеть на нас. Это не очень-то вежливо!

Мне не хотелось иметь неприятности, поэтому я ответил:

- Пожалуйста, извините, но мне нужно идти по делам.

После этого извинения я пошёл своей дорогой.

- Ну, нет! погоди!- с этими словами двое юношей побежали за мной.

- Убегаешь?! - засмеялся один юноша.

- Ты, наверное, совершенно не знаешь правил приличия? - спросил другой.

Вместе они схватили меня за одежду и потащили к помосту. На помосте сидел более взрослый мужчина, которого я принял за судью. Вероятно, именно он был самым сильным борцом в этой компании. Безусловно, я мог легко от них отделаться, применив каратэ, но я решил принять участие в борьбе.

Первую схватку с самым слабым по виду противником я выиграл легко. Победить второго мне тоже не составило труда. Так же было с третьим, четвёртым и пятым.

Теперь оставалось лишь два человека, одним из которых был судья, и оба казались сильными противниками.

- Ну,- сказал судья, кивнув головой своему приятелю, - ты готов к поединку с этим юношей?

Я почувствовал, что мне следует немедленно вмешаться, чтобы избежать драки:

- Извините, но я не готов бороться. Я уже устал и думаю, что не смогу больше выиграть. Пожалуйста, извините меня.

Однако, вся эта компания настаивала на продолжении борьбы. Очередной противник сердито посмотрел мне в глаза и схватил меня за руку. Мне не оставалось ничего другого, как бороться. Эту схватку я снова выиграл и очень легко.

- Мне действительно необходимо срочно уйти,- сказал я.- Спасибо. Извините меня, пожалуйста.

На этот раз мои извинения были приняты. Я продолжил свой путь в Сюри, но у меня при этом было предчувствие, что это приключение миром не кончится. Я оказался прав, потому что вскоре услышал топот ног за спиной.

К счастью, утром, когда я уходил в Наха, на улице шёл дождь, и мне пришлось взять с собой зонтик. Теперь я использовал зонт, как тросточку. Я подумал, что, в случае нападения зонтик послужит мне средством защиты. Я быстро раскрыл его и защитил им голову от неожиданных ударов сзади.

Далее, не вдаваясь в детали, скажу, что, хотя противников было семь или восемь, я сумел отразить все их удары.

Наконец, я услышал растерянный голос одного из нападающих:

- Кто этот человек? Он владеет приёмами каратэ.

Драка прекратилась. Эти люди стояли вокруг и злобно смотрели на меня, но они не наносили ударов и не пытались задержать меня, когда я пошёл дальше. Шагая по дороге, я декламировал наизусть одно из моих любимых стихотворений и одновременно прислушивался к шорохам за спиной. Но больше ничего не случилось.

Когда я вернулся в Сюри, то был полон раскаяния. Для чего я ввязался в это соревнование? Неужели из простого любопытства? Нет! Я осознал истинный ответ: это была чрезмерная уверенность в своих силах. Другими словами, это была самонадеянность. Я поступил вопреки духу каратэ, и мне было очень стыдно.

Даже сегодня, много лет спустя мне становится, стыдно за себя, когда я рассказываю об этом случае.

Гуманность

Возле дома моего дедушки, на вершине холма Бэнгадакэ, рос густой лес. В этом лесу находилось место поклонения, приносящее удачу тем, кто молился

здесь. Сюда приходили многие жители Наха и Сюри. Лес этот был виден всем морским путешественникам с кораблей, бросавших свои якоря в заливе Тюдзо.

Однажды вечером я возвращался домой из деревни Нисахара и поднялся уже почти до вершины этого холма, как вдруг увидел человека, который изо всех сил бежал мне навстречу. Если бы я не увернулся в сторону, мы бы с ним столкнулись. Было уже совсем темно, однако, по движениям этого человека я понял, что он понятия не имеет об искусстве самозащиты. Человек нырнул в заросли сахарного тростника и исчез в его высоких стеблях. С тростникового поля не доносилось ни звука, поэтому я подумал, что человек упал, ударился головой о камень и потерял сознание.

В темноте я тщательно обыскал поле, но не нашёл никаких следов этого человека. Тогда я спустился для поисков в маленькую ложбинку, где была деревенская выгребная яма. Вокруг этого места стояло ужасающее зловоние. Я хотел пройти мимо, но вдруг заметил что-то плавающее в грязи и похожее на большую дыню с тёмной коркой. Это была голова того самого человека, который бежал с холма. Я скорее подал ему руку и вытащил его из грязи.

К моему огромному удивлению, он, не сказав мне ни слова благодарности, снова бросился бежать вниз с холма. Почти одновременно с противоположной стороны послышалась звонкая трель свистка, и из темноты появились три фигуры в чёрном. Прежде, чем я успел произнести хоть слово, они схватили меня. "Стойте,- крикнул я,- вы ошиблись, я совсем не тот, который вам нужен." К этому моменту было уже ясно, что эти трое - деревенские стражники. Не теряя времени, они достали верёвку, чтобы связать меня. Я догадался, что стражники гонятся за человеком, упавшим в деревенскую выгребную яму.

- Подождите минутку,- повторил я,- вы делаете ошибку.

- Не ври нам,- грубо сказал один из стражников,- и не создавай нам проблем.

Эта троица была совершенно уверена, что я именно тот, кого они здесь ловили. Я настойчиво отрицал это и терпеливо доказывал, что нужный им человек всего несколько минут назад упал в выгребную яму и убежал после того, как я помог ему выбраться из неё.

Сначала стражники даже не слушали меня и только после того, как я повторил свой рассказ несколько раз, они мне поверили. Затем они спросили меня о возрасте человека и о том, как он выглядел. Я ответил, что было слишком темно, чтобы я мог что-то увидеть, но после падения этого человека в выгребную яму спутать его с кем-то другим невозможно.

После этого мы все побежали с холма вниз в том направлении, куда скрылся беглец. Когда мы спустились к подножию, то слышали крики. Нам кричали, что уже нашли кого-то, лежащего на земле лицом вниз. Оказалось, что того же преступника искала и другая группа стражников, и они нашли его посреди картофельного поля. Он лежал без сознания, и от него исходил отвратительный запах. Без сомнения, это был именно тот человек, которого ловили стражники. Они собирались связать преступника и отвести в тюрьму, но я из чувства гуманности предложил им сначала очистить его от грязи.

- Хорошо бы, только где же это можно сделать? - сердито спросил один из стражников.

- Ведите его ко мне домой,- ответил я,- это вам по пути.

Так мы и сделали. Мы сняли с беглеца всю грязную одежду и обмыли его у колодца. Когда я увидел, что с ним случилось, мне стало искренне жаль его. Из глубокой раны на правом бедре бежала кровь, а его левое бедро было темно-синего цвета, порезался он при падении в выгребную яму, а вот большой синяк был результатом моего неумышленного удара. Этот удар я нанёс ему ногой, пытаясь избежать столкновения, когда он наскочил на меня, сбегая с холма.

Когда я узнал, что этот беглый преступник имеет длинный "послужной" список обвинений в кражах, разбое и изнасиловании, моё чувство жалости к нему исчезло.

Миролюбие

В округе Кокурё, расположенном в северной части острова Окинава, на берегу моря соседствуют две рыбацкие деревушки - Мотобэ и Сяка. После реставрации Мэйдзи в деревушке Сяка поселились мелкие окинавские самураи, которые были очень недовольны новым правительством в Токио. С того времени Сяка стала главным источником бесконечных конфликтов, сотрясающих округ Кокурё год за годом.

Конфликт, о котором я хочу вам рассказать, разгорелся приблизительно через пятнадцать лет после начала моей педагогической деятельности из-за какой-то ссоры между жителями двух указанных деревень. Местные власти не сумели её уладить и, поскольку конфликт не прекращался, они обратились в полицию Наха.

В то время я преподавал в маленькой школе округа Тютю, расположенной неподалёку от залива Сэнно, и мечтал о переводе в школу в центре города Наха. Перевод в эту школу значительно облегчил бы мне занятия каратэ, но он так и не состоялся. О конфликте в округе Кокурё я слышал не больше других.

В окинавской столице знали, что главной причиной конфликта являются политические противоречия, поэтому на помощь призвали комиссию из членов Совета Округа, Совета Префектуры и правительства префектуры. Как это ни странно, но в состав комиссии был включён и я. Как это случилось, я не знал тогда, не знаю и сейчас. Я, простой школьный учитель, не мог даже претендовать на подобную честь.

Я предполагаю, что именно мои занятия каратэ были главной причиной того, что я попал в эту комиссию. Конечно, не потому, что я мог разрешить эту ссору в рукопашной схватке, а потому, что многие её участники занимались каратэ, знали меня, и моё участие в разрешении ссоры могло им понравиться. Как бы то ни было, отказаться я не мог и попросил короткий отпуск у директора школы. Отпуск был мне разрешён.

В то время на острове единственным транспортным средством были лошади. Ранним утром мы отправились в путь в лёгкой коляске, запряжённой лошадью. Дорога была дальней, и нам дважды пришлось менять лошадей.

Приехав на место, мы обнаружили, что между жителями двух крохотных деревень установились отношения сильного недоверия и враждебности, которые в конце концов могли перейти в открытое столкновение. Мы решили вести себя как можно тактичнее и постараться удержать события под контролем.

Затем произошло следующее. Когда жители обеих деревень собрались вместе с нами на "нейтральной полосе", то они кипели злобой друг против друга. Мы в это время стояли между ними. И вдруг, почти одновременно, от обеих групп ко мне подошли два человека, которые обратились ко мне с почти одинаковыми словами: "Фунакоси, а что ты здесь делаешь?"

Увидев это, мои коллеги из комиссии по разрешению спора, попросили меня попытаться разрешить конфликт без посторонней помощи. Не сомневаюсь, они решили, что поскольку у меня есть друзья в обеих деревнях, то я смогу легче и быстрее уладить возникшие проблемы. Я же, напротив, не был так уверен в успехе и знал, что любое моё неверное слово может привести к драке, а тогда добиться прочного мира будет невозможно.

Как бы то ни было, я принялся за эту "работу". Я решил быть вежливым и беспристрастным, насколько это возможно, и выслушать доводы обеих сторон. Я сделал это, но и в тот день, и в течение следующего дня были моменты, когда мне казалось, что на меня набросится толпа разъярённых жителей сначала одной деревни, а потом другой. Но я сохранял терпение и спокойствие, не совершал необдуманных поступков, и эта расправа так и не состоялась. Наконец, после двух дней внимательного выслушивания, я предложил им компромиссное решение, которое оказалось приемлемым для обеих сторон. Мир был заключён, и в помещении начальной школы в деревне Сяка состоялась официальная церемония в честь этого радостного события. После этого члены комиссии сели в свои коляски и возвратились домой.

Месяц спустя, меня вызвали в отдел просвещения префектуры Окинава и сообщили о моём переводе с повышением в школу в центре города. Моя заветная мечта сбылась, и я приписываю её исполнение только моим занятиям каратэ, которое оказалось столь полезным в моей миротворческой миссии.

Скромность

Когда я работал помощником учителя в школе города Наха, то вынужден был дважды в день совершать длительную прогулку, потому что мы с женой жили в доме её родителей в Сюри. Однажды в нашей школе состоялось совещание учителей, которое продолжалось слишком долго. Когда я отправился домой, было уже поздно, начинал накрапывать дождь, и единственный раз я решил быть расточительным и нанять рикшу.

Чтобы скоротать время в пути, я завёл с рикшей разговор и, к своему удивлению, обнаружил, что он односложно отвечает на мои вопросы, я знал, что обычно рикши так же болтливы, как парикмахеры. Кроме того, его речь была исключительно вежливой и больше подходила образованному человеку. В то время на Окинаве существовало два вида рикш - "хиругурума" ("дневные рикши") и "ёругурума" ("ночные рикши"). Я знал, что некоторые ночные рикши были самураями, утратившими своё прежнее положение после реформы.

"Может быть, человек, везущий меня в Сюри, является одним из моих знакомых - подумал я.- Если это так, то мною нарушены правила приличия." Однако, этот вопрос оставался открытым и решить его мне было нелегко, потому что на рикше была широкополая соломенная шляпа, с помощью которой ему удавалось скрывать от меня своё лицо.

Тогда я решил применить способ, который, как я думал, позволит мне увидеть лицо рикши, я попросил его остановиться, чтобы оправиться. Когда он опускал ручки коляски на землю, я ясно понял, что этот человек - не обычный рикша. Я попытался взглянуть ему в лицо, но он быстро отвернулся. Всё же было что-то очень знакомое в осанке этого высокого и стройного человека.

К этому времени дождь прекратился, к бледная луна вынырнула из облаков. Когда я вернулся к коляске, то вновь попытался взглянуть рикше в лицо, и снова моя попытка не удалась. Раздосадованный своей неловкостью, я решил прибегнуть к другому плану, который должен был сработать. "Мы прошли уже значительную часть пути,- сказал я рикше.- Вы, должно быть, устали. Вечер сегодня прекрасный. Почему бы нам не прогуляться немного?"

Рикша согласился, но мой план снова потерпел неудачу, потому что рикша отказался идти рядом со мной, а всё время держался на шаг или два позади. На повороте дороги я внезапно резко обернулся, и, схватив ручку коляски, попытался ещё раз разглядеть лицо своего спутника. Однако, несмотря на всю быстроту моих движений, рикша оказался быстрее и успел надвинуть шляпу и спрятать лицо. Его реакция была такой быстрой, что теперь я был абсолютно уверен в том, что мой спутник не простой рикша.

Более того, я был почти уверен, что знаю этого человека, поэтому я вежливо снял шляпу и спросил его: "Извините меня за вопрос, но Вы, случайно, не господин Суэёси ?" Мой спутник вздрогнул, но, тем не менее, твёрдо ответил: "Нет!"

Так мы стояли несколько мгновений, словно в немой сцене: я держал коляску, а он стоял, уставившись в землю и скрывая своё лицо широкополой шляпой. Затем он внезапно решился, снял шляпу и опустился на колени. Я увидел, что не ошибся. Это действительно был Суэёси. Я взял его под руку, чтобы помочь ему подняться, а потом сам опустился на колени, назвал своё имя и извинился перед ним за своё настойчивое любопытство. Мне было хорошо известно, что Суэёси был родом из семьи, принадлежавшей к высшему сословию, а его предки были знаменитыми воинами. Кроме того, Суэёси был старше меня по рангу в каратэ и прекрасно владел искусством бодзюцу. Впоследствии он даже открыл свою школу обучения бодзюцу.

Очевидно, что после этого не могло и речи быть о том, чтобы Суээси вёз меня в коляске. Мы пошли с ним рядом и вели дорогой очень интересную беседу о каратэ и бодзюцу. Возле моего дома Суэоси, очень смущённый тем, что я узнал его, просил меня никому не рассказывать о том, что он подрабатывает рикшей. Я узнал от него, что его жена очень больна и прикована к постели. Чтобы прокормить её и себя, а также покупать необходимые лекарства, Суээси днём работал в поле, а ночью подрабатывал рикшей.

Если бы Суээси жаждал славы и богатства, он несомненно добился бы этого, но для этого ему пришлось бы заниматься тем, что он считал ниже своего достоинства. Суээси был истинным самураем и не мог отступить от кодекса чести даже в мелочах. Ловкость, с которой он вёз коляску рикши, соответствовала его высокому уровню знаний и боевых искусствах.

Суээси умер вскоре после моего отъезда в Токио, но я навсегда запомнил вечер, проведенный в его обществе. Этот человек для меня, навсегда остался живым воплощением истинного самурайского духа.

Боевой дух

Перетягивание каната - очень популярное состязание на нашем острове. Оно часто бывает главным событием всех наших праздников. Окинавское перетягивание каната отличается от подобных состязаний в других префектурах. Прежде всего, наш вариант гораздо динамичнее, с чем согласится каждый, видевший перетягивание каната на Окинаве. Я заверяю читателей, что это состязание не для детей.

Сначала тщательно готовят канат, очень длинный и очень толстый. Иногда канат бывает толще, чем ствол большого дерева. Плетут его из рисовой соломы и состоит он из двух отдельных частей, которые перед соревнованием соединяют вместе. Для этого на одном конце каждого куска каната сплетается большая петля, и, после того, как одна петля продевается в другую, прочным дубовым суком их сцепляют вместе. От основного каната отходит множество более тонких верёвок, делая его похожим на огромную многоножку. Эти тонкие верёвки называются "мэдзуна" ("женские верёвки"). Дубовый сук в петлю вставляет судья соревнований. Дело это очень ответственное, и в окинавском варианте перетягивания каната оно является частью обязательной церемонии.

Состязание начинается с того, что судья наступают на ноги участников из двух противоположных команд, находящихся наиболее близко к центру. При этом все участники хватаются за "женские верёвки" и по команде начинают их тянуть под грохот гонгов и барабанов. Болельщики поднимают знамёна с названиями команд и подбадривают участников, стараясь создать, как можно больше шума.

Хотя перетягивание каната - это всего лишь игра и спортивное состязание, оно является точным подобием военного сражения и, если решение судьи оспаривается, то на поле начинается сражение настоящее. Многие жители

Окинавы получили свои увечья в драках, которые были продолжением состязаний по перетягиванию каната. По этой причине судьёй должен быть человек, рекомендованный обеими командами. Кроме того, он должен быть не только судьёй по спорту, но и хорошим посредником в драке, которая может возникнуть после состязания.

В древней королевской столице Сюри перетягивание каната было популярным состязанием в течение многих веков. После реставрации Мэйдзи столицей Окинавы стал город Наха, который быстро перерос прежнюю столицу. В те годы, когда я был учителем в Наха, меня часто просили судить перетягивание каната, и я горжусь тем, что при этом ни разу не возникло кровавой драки. Наблюдая эти состязания, я пришёл к выводу, что команда стремящаяся к победе любой ценой, обычно проигрывает. И, напротив, команда вступающая в состязание, чтобы насладиться самим процессом борьбы, не слишком думая о победе, побеждает чаще. Это наблюдение справедливо и в отношении каратэ.

Физическая готовность

Ещё один случай, который касается каратэ и о котором мне хотелось бы рассказать, произошёл в порту Наха, главном порту префектуры Окинава, к сожалению, глубина моря в порту была такой малой, что большие суда не могли подойти к причалу. Они должны были бросать якорь в середине бухты, а пассажиров доставляли к берегу или на корабль на маленьких утлых лодках.

День моего отплытия с Окинавы в Токио выдался ветреный, и волны были большими. Вместе с группой других пассажиров я сел в маленькую лодку, которая должна была доставить нас на большой пассажирский корабль, направляющийся в столицу Японии. Когда мы подплывали к кораблю, море на мгновение успокоилось, и несколько пассажиров легко перешли из лодки на сходни большого корабля. Когда подошла моя очередь перебираться на сходни из плясавшей на волнах лодки, внезапно набежала большая волна, и я спокойно подождал, пока море успокоилось.

Как только это произошло, я шагнул одной ногой на сходни, но в этот миг набежала ещё одна огромная волна, и лодка неистово запрыгала на воде. Одной ногой я стоял на сходнях, другой всё ещё оставался в лодке, а два чемодана тяжело повисли в руках. Подо мной плескалось море, а я не умел плавать. Хотя я родился и жил на острове, но вырос в Сюри и редко бывал на берегу моря. Я застыл, качаясь над бушующим морем, а со всех сторон мне кричали, что делать. Но эти советы просто не доходили до меня. Без размышлений я перебросил чемодан из левой руки в правую и, одновременно, швырнул более тяжёлый чемодан, который держал в правой руке на сходни. За чемоданом последовал на спасительные сходни и я. Стоило мне промедлить ещё мгновение и меня бы сбросило в море, где я мог утонуть. Если бы даже меня спасли, то я бы вдоволь

нахлебался солёной воды. Поднимаясь на палубу, я шептал слова благодарности каратэ за моё спасение.

Через некоторое время, вернувшись на Окинаву, я отправился засвидетельствовать своё уважение мастеру Адзато.

"С возвращением! - воскликнул он. - Ты не представляешь себе, как мы испугались за тебя в тот день!" Мастер Адзато приходил вместе со своей семьёй, чтобы проводить меня. Теперь они рассказали мне, как сильно они испугались, увидев это происшествие. "Мы все восхищались твоим проворством и твоей ловкостью,- продолжал сэнсэй,- и испытали огромное облегчение, когда всё закончилось хорошо!"

Конечно, не только каратэ развивает способности, позволяющие любому человеку выходить с честью из подобных необычных ситуаций. Другие боевые искусства для этого не менее полезны. Мастера дзюдо, например, учатся падать так, чтобы избегать травм. Эту способность все они приобретают в процессе тренировки. Главным является то, что ежедневные занятия любым видом боевых искусств оказывают человеку неоценимую помощь в любой непредвиденной ситуации.

ПРИЗНАНИЕ

Трудные дни

В конце 1921 года министерство просвещения предупредило нас о том, что будущей весной в столице намечается проведение показательных выступлений мастеров всех древних японских боевых искусств. Все выступления должны были проходить в помещении женской средней школы в Отяномидзу, одном из районов Токио. Префектура Окинава получила приглашение участвовать в этом большом празднике.

После этого местный департамент просвещения обратился ко мне с просьбой показать столичным жителям наше окинавское искусство каратэ. Понятно, что я тут же согласился и немедленно начал готовиться к предстоящему выступлению.

В то время за пределами острова каратэ было практически неизвестно. Японцы, которым мы собирались показывать его в Токио, знали об этом национальном боевом искусстве Окинавы очень мало или не знали вообще ничего. Для первого выступления необходимо было придумать что-то необычное и хорошо запоминающееся. Я изготовил три больших стенда со множеством Фотографий, на которых были засняты различные стойки, ката, удары руками и ногами. Эти стенды я привёз в столицу.

Все боевые искусства, представленные в Отяномидзу, произвели большое впечатление на зрителей, но главный успех, как мне тогда казалось, имело моё выступление и демонстрация окинавского искусства каратэ.

Я собирался вернуться домой сразу же после выступлений, но мне пришлось отложить свой отъезд, потому что Кано Дзигоро, знаменитый руководитель центра дзюдо Кодокан, попросил меня прочитать небольшую лекцию об искусстве каратэ. Сначала я колебался, считая себя недостаточно компетентным для этого, но мастер Кано был так настойчив, что я согласился показать некоторые ката лично для него. Местом проведения этой лекции был зал Кодокан, и я думал, что присутствовать на ней будет лишь небольшая группа старших учеников. К моему величайшему изумлению, собралось более сотни зрителей, ожидающих моего выступления.

Партнёром для этого выступления я выбрал Гика Синкэн, который учился тогда в Сёка Дайгаку (ныне университет Хитоцубаси) в Токио. Гима Синкэн был

отличным каратэка и много тренировался перед отъездом с Окинавы. Мастер Кано, для которого наше показательное выступление представляло профессиональный интерес, спросил меня, сколько времени потребуется на изучение ката, которые мы показали.

- По меньшей мере, год - ответил я.

- Ах, это слишком долго,- сказал он.- Не могли бы Вы обучить меня хотя бы нескольким основным приёмам?

Простой провинциальный школьный учитель, я почувствовал огромную гордость от этой просьбы великого мастера дзюдо и, конечно же, я не мог ему отказать.

Прошло довольно короткое время, и я снова начал готовиться к возвращению на Окинаву, но так и не уехал. Однажды утром меня пригласили к известному художнику Косуги Хоан, который рассказал мне, что недавно побывал в этнографической экспедиции на Окинаве, и его глубоко поразило искусство каратэ. Косуги Хоан очень хотел бы изучать каратэ, но в Токио невозможно найти ни учителей, ни учебников. Художник просил меня остаться в столице на некоторое время, чтобы давать ему частные уроки каратэ. Я согласился на его предложение и начал проводить регулярные занятия с членами общества художников "Клуб Тополей Табата", которое Косуги возглавлял.

После нескольких таких занятий я подумал, что, если я хочу широкого распространения каратэ в Японии, то я - именно тот человек, который мог бы сделать эту работу, а Токио - самое подходящее место для начала этого дела. Я написал письма своим учителям Адзато и Итосу, рассказал им о своей идее, и оба мастера письменно выразили мне своё полное одобрение. В то же время, в своих письмах они предостерегали меня, что работа по распространению каратэ будет очень трудной, и меня ожидают трудные времена. К сожалению, именно в этом они оказались более, чем правы.

Я переехал в Мэйсэйдзюку, общежитие студентов с Окинавы, расположенное в токийском районе Суйдобата, где мне разрешили использовать лекционный зал общежития в качестве моего временного додзё, когда там не было занятий. Главной моей проблемой стали деньги: накоплений у меня не было, моя семья на Окинаве не могла высылать мне денег, и я не мог тогда использовать деньги каких-нибудь меценатов, потому что о каратэ ещё почти никто не знал.

Чтобы заплатить за крошечную комнатку, где я спал, мне приходилось браться за любую работу в общежитии: мыл посуду, был сторожем, садовником и даже убирал в комнатах. В то трудное время у меня было лишь несколько учеников, поэтому платы, которую я от них получал, не хватало, чтобы свести концы с концами. Чтобы решить хотя бы проблему с питанием, и уговорил повара общежития брать у меня уроки каратэ. За это он делал мне скидку в ежемесячных расчётах за питание. Мне было тяжело, но теперь, много лет спустя, я думаю, что моя жизнь тогда была не такой уж плохой.

И в этой трудной жизни бывали весёлые минуты. Мне запомнился случай с газетным репортером. В те дни персональное интервью и газетах и журналах

было большой редкостью. И вот, однажды в общежитии появился газетный репортёр. Когда он пришёл, я подметал дорожки в саду, и репортёр, как я думаю, принял меня за садовника.

"Где мне можно найти мастера Фунакоси, учителя каратэ?"- спросил он. "Одну минуту, господин!"- ответил я и бросился к дому. Я быстро поднялся в свою комнату, переоделся в кимоно и бегом спустился вниз, где меня терпеливо ждал репортёр. "Здравствуйте, я - мастер Фунакоси",- представился я ему. Никогда не забуду выражение изумления на лице своего собеседника, после того, как он понял, что бедный садовник и учитель каратэ - один и тот же человек!

В другой раз меня нашёл один из слуг барона Мацудайра Ясуо, дом которого был расположен рядом с нашим общежитием. Барон и его жена были важными персонами и родственниками принцессы Титибу.

"Я пришёл,- сказал слуга,- поблагодарить пожилого человека из этого общежития, который каждое утро подметает дорожки перед нашими воротами. Мой хозяин прислал ему небольшой подарок в знак благодарности." С этими словами он вручил мне коробочку конфет. Эта история имела продолжение и закончилась несколько лет спустя, когда тот же самый слуга вновь пришёл ко мне, чтобы извиниться за то, что он назвал меня "пожилым человеком, подметающим улицу." Он сказал: "В то время мы и подумать не могли, что вы и есть знаменитый мастер каратэ Фунакоси Гитин.

В самом деле, дорожки возле общежития требовали к себе постоянного внимания: там часто играли дети. По вечерам, убирая за ними мусор, я иногда бранил детей и говорил, что им лучше играть в саду, чем устраивать беспорядок на дорожках.

Однажды один из них, маленький языкастый дьяволёнок, назвал меня "карасуури" ("злая тыква"), а все остальные дети стали хором повторять это прозвище. Я не мог понять, чем же я похож на "злую тыкву", пока вечером не посмотрел в зеркало и не понял сходства. Я рассмеялся. Хотя я никогда не употреблял алкоголя, цвет лица у меня был слегка красноватым, а кожа смуглая. Я понял, что в сознании маленького мальчика возникла ассоциация с тыквой, которая становится красноватой от спелости.

Итак, для моих учеников я был мастером каратэ, для домашних слуг барона Мацудайра - пожилым дворником, а для детей, игравших в саду, "злой тыквой". Сегодня всё это кажется весьма забавным.

Менее забавными были дни нищеты, когда я не мог наскрести денег, необходимых для существования. Однажды я понял, что должен что-то заложить, но что именно? Я долго искал, что-нибудь ценное и, наконец, нашёл старый котелок, который я носил ещё на Окинаве, и окинавское кимоно ручной работы. Тщательно упаковав эти вещи, я потащился в отдалённый ломбард, потому что не хотел, чтобы студенты в общежитии узнали об этом. Мне стыдно было даже показать свои вещи приёмщику в ломбарде, настолько они были старые и поношенные. Я был уверен, что они ничего не стоят. Приёмщик почему-то унёс вещи в заднюю комнату, с кем-то там пошептался и, вернувшись через несколько минут, дал мне за них невероятно большую сумму денег. Я сначала очень

удивился, но потом узнал, что младший брат этого приёмщика был одним из учеников в моём додзё.

Даже сегодня, мысленно возвращаясь в то далёкое прошлое и вспоминая те трудные дни, я испытываю глубокую благодарность к моим благодетелям и прежде всего к Косуги Хоан и другим художникам из "Клуба Тополей Табата".

Появление интереса

Постепенно моё финансовое положение начало улучшаться. У меня появилось значительно большее количество учеников. Многие из них были "белыми воротничками" и приходили в додзё сразу же после работы, чтобы позаниматься пару часов. С огромным энтузиазмом они стремились познать каратэ и повысить уровень своего мастерства. Во многом благодаря им, это искусство становилось всё более и более известным людям всех профессий и всех уровней общественного положения.

Особенно заметный сдвиг в развитии и распространении каратэ произошёл, когда университеты, а прежде всего, университет Кэйо, проявили свой интерес к занятиям каратэ. Однажды ко мне в додзё пришёл профессор кафедры немецкого языка и литературы Касуя Синъё с двумя своими сотрудниками и несколькими студентами, желающими изучать каратэ. Вскоре после этого визита в университете Кэйо была создана маленькая группа по изучению каратэ, объединяющая преподавателей и студентов. Это была первая подобная группа в университетах Токио. Теперь, в дополнение к занятиям в моём собственном додзё, я регулярно посещал университетский городок Кэйо, где давал консультации своим новым ученикам.

Вскоре такие же консультации я начал давать студентам из университета Такусёку, который находился поблизости от нашего студенческого общежития.

В один из этих напряженных дней Мэйсэйдзюку посетили великолепно одетый господин и юноша в студенческой форме. Они попросили меня показать им несколько приёмов каратэ, после чего юноша с энтузиазмом заявил о своём решении изучать это искусство. Оказалось, что это был Сайге Китиносукэ, член аристократической фамилии, который несколько лет спустя после Второй Мировой войны был избран в палату представителей парламента.

Припоминаю, что молодой господин был в то время студентом частной аристократической школы. Он снял квартиру в меблированных комнатах Тёгёкан, вблизи от моего додзё, потому что решил, как можно больше времени тратить на изучение каратэ. Когда я сообщил хозяину Тёгёкан, какой аристократический жилец у него обитает, тот был очень удивлён и предложил молодому господину переехать в другие меблированные комнаты в Мёгадани, сказав, что он считает их более чистыми и более подходящими для сына аристократа. Из этих меблированных комнат, юноша несколько лет ежедневно ходил в школу, а потом в моё додзё.

После интереса, проявленного к каратэ университетами Кэйо и Такусёку, количество моих учеников начало стремительно расти. Среди них были студенты из университетов Васэда и Хосэй, Японского Медицинского колледжа, Первой Высшей Школы, Токийского университета, Токийского коммерческого университета и Сельскохозяйственного университета. В это время группы изучения каратэ создавались во многих учебных заведениях. Одна из них была создана в Колледже физического воспитания Никайдо. Вскоре я был приглашён давать консультаций по каратэ в военной и морской академиях. Могу добавить, что я испытывал чувство глубокого удовлетворения от посещений родителей мальчиков, учащихся у меня. Они всегда благодарили меня за то, что я научил их сыновей искусству каратэ, и теперь их дети стали сильными и здоровыми.

У меня уже не было времени убирать комнаты или подметать сад, да в этом и не было нужды. Кстати, однажды меня навестил тот самый хозяин ломбарда, который был так щедр ко мне. При встрече он тихо сказал: "Вы давно не заходили ко мне в магазин, и я подумал, что Вы заболели. Я рад снова видеть вас крепким и бодрым."

Моя жена всё это время оставалась на Окинаве, хотя мой старший сын приехал в Токио ещё до меня, а два младших сына - после моего приезда. Я решил не возвращаться на родину, пока не выполню своего высокого предназначения. Несмотря на трудности, я был уверен, что смогу содержать семью в Токио. Однако ничего из этого не вышло. Когда я написал жене письмо, в котором просил её приехать ко мне, она решительно отказалась сделать это.

На Окинаве почитанию памяти предков придаётся особое значение. Моя жена, как истинная буддистка, не могла смириться с мыслью о перенесении праха предков в незнакомое для них место. В своём ответе она написала, что её долг - остаться на родине для соблюдения всех религиозных обрядов. Мне же она советовала сосредоточить все силы на работе. Видя, что её не переубедить, я согласился с ней, хотя это означало для нас разлуку на многие годы.

Моя первая книга

Вскоре после моего приезда в Токио художник Косуги Хоан уговорил меня написать учебник по каратэ. Я знал, что эта работа будет нелёгкой, потому что, как я уже упоминал ранее, подобных книг не было не только в столице, но и на Окинаве. Я начал с того, что написал письма мастерам Адзато и Итосу, а также всем друзьям и коллегам с Окинавы, в которых просил их выслать мне любую информацию и собственные соображения о каратэ. Однако, когда я писал книгу, то почти полностью опирался на свой опыт, полученный в дни моих тренировок на Окинаве.

Моя первая книга называлась "Рюкю кэмпо: каратэ" и была выпущена издательством "Букеса" в 1922 году. Вместо предисловия к этой книге я имел честь использовать краткие замечания о каратэ некоторых известных людей. Среди них я могу упомянуть следующие имена: маркиз Хисамаса, бывший

префект острова Окинава; адмирал Рокуро Ясиро; вице-адмирал Огасавара Тёсэй, граф Гото Симпэй, генерал-лейтенант Ока Тиёмацу, контр-адмирал Канна Норикадзу; профессор Тоонно Норихиро и журналист Суёоси Бакумонто.

Оформил и прекрасно проиллюстрировал всю книгу лично Косуги Хоан. В книге было всего пять глав:

- Что такое каратэ?
- Достоинства каратэ;
- Обучение и тренировка в каратэ;
- Содержание каратэ;
- Базовая техника и ката.

В приложении к книге я описал меры предосторожности, которые каждый каратэка должен обязательно соблюдать во время тренировок.

Чтобы дать читателю некоторое представление о мотивах, которыми я руководствовался при написании книги в те далёкие дни, разрешите привести небольшую цитату из моей первой книги:

"Человек от рождения стремится к созиданию, но в самых тёмных уголках его души всегда таятся семена разрушения, подобно тому, как за хорошей погодой неминуемо приходит сезон дождей. Изменение - это закон природы. История показывает нам непрерывную череду взлётов и падений целых народов. Небо и земля, меч и кисть неотделимы друг от друга, как два колеса двуколки. Человек должен знать в совершенстве обе стороны бытия, если он хочет достичь полноты знания. Если же он самодовольно считает, что безоблачная погода будет стоять вечно, то рискует попасть однажды под жестокий ливень или шторм. Вот почему очень важно для каждого из нас ежедневно готовиться к любой неожиданности или несчастному случаю, помнить о тревожных днях в дни покоя и постоянно тренировать своё тело и воспитывать оптимизм, волю, твёрдый характер, присущие всему японскому народу.

Сегодня мы наслаждаемся прочным миром. Наша страна делает огромные шаги вперёд во всех областях развития. Мечи и пики практически бесполезны и запятаны далеко, но тонкое искусство самозащиты, называемое каратэ, становится всё более популярным, и люди спрашивают меня снова и снова, где найти хороший учебник. Желаящие заниматься пишут мне из дальних мест и спрашивают о такой книге.

Кроме того, здоровье и сила наших молодых людей, подвергавшихся физическим испытаниям в период военной службы, ухудшаются год от года. Учитывая всё вышесказанное, я решил написать учебник по каратэ, который должен способствовать развитию этого вида спорта в нашей стране и поможет всем японцам совершенствовать дух и тело. Эта первая робкая попытка рассказать об искусстве каратэ, конечно же, имеет множество недостатков."

Перечитывая эту книгу сегодня, я испытываю лёгкий стыд за её любительский уровень, но я потратил на её создание очень много сил, поэтому среди моих многочисленных публикаций она до сих пор остаётся самой любимой.

Книга "Рюкю кэмпо" получила широкую известность и была вновь переиздана четыре года спустя издательством "Кобундо" в исправленном виде под изменённым названием - "Рэнтэн Госин Каратэдзюцу" ("Укрепление силы воли и самозащита приёмами каратэ").

Моя следующая книга, опубликованная в 1935 году, называлась "Каратэ-до кйхон" и посвящалась, главным образом, различным ката. Эта книга также была оформлена с помощью художника Косуги Хоан.

Многие печатные издания в то время начали проявлять интерес к каратэ. Некоторые авторы стремились дать читателям истинное представление о каратэ, других привлекала сенсационность. В приложении к моей первой книге я поместил цитату из статьи, напечатанной в одной токийской газете, автор которой заявлял:

"Главная цель каратэ заключается в развитии сильного тела. Кроме того, каратэ - это искусство самозащиты. Говорят, что хорошо подготовленный каратэка способен подпрыгнуть из положения сидя и пробить потолок комнаты ударом ноги, голой рукой переломить бамбуковый стебель, разбить две-три толстых доски одним ударом кулака, разрубить толстую верёвку ребром ладони, разрушить скалу кулаком и показать ещё множество подобных трюков, требующих сверхчеловеческой силы. Несомненно, что все это находится за пределами человеческих возможностей. "Сверхъестественно" - вот единственное определение для всего этого!"

Конечно, мы легко можем убедиться, в том, что далеко не всё в этом списке находится за пределами человеческих возможностей и называть всё это "сверхъестественным" нелепо. К сожалению, именно так многие представляли себе каратэ тогда.

Друзья и знакомые

Одним из первых офицеров нашей армии, осознавшим ценность каратэ, был адмирал Рокуро Ясиро, который приобрёл известность в войне с Россией. Если читатель помнит, именно он приплыл на Окинаву молодым капитаном и был так поражён демонстрацией каратэ, что приказал офицерам и матросам своей команды изучать это боевое искусство.

Представить себе не могу, как адмирал узнал, что я нахожусь в Токио, но он узнал и однажды пригласил меня в свой дом в Койсикава Харамати. Он помнил всё, что видел на Окинаве, и сказал мне, что он сам, его сыновья и внуки хотели бы изучать каратэ. Я согласился посещать его дом раз в неделю и обучать их искусству самозащиты.

Всякий раз в день тренировки адмирал лично встречал меня у ворот своего дома, одетый в традиционное кимоно. После завершения наших занятий, он провожал меня. Часто, перед занятиями или после них, мы беседовали, и я очень много почерпнул для себя из его богатого опыта. Я считаю его человеком,

достойным восхищения. Другим моряком, от которого я узнал много полезного, был Такэсита Исаму, который впоследствии тоже стал адмиралом.

Вы можете удивиться, но моими близкими знакомыми и учениками были многие известные борцы сумо. Например, Онисики Уйтиро, знаменитый "ёкодзуна" того времени, хотя нынешнее поколение может и не знать этого имени. Иногда он приводил в Мэйсэйдзюку и других борцов сумо для практических занятий, но моё додзё было слишком мало для занятий с ними. Я лично предпочитал показывать ката для друзей и учеников Онисики в Рёгоку. Другим борцом сумо, которому я часто давал консультации, был "одзэки" Фукуянаги, внезапно и преждевременно умерший от отравления неправильно приготовленной рыбой Фугу.

Борцы сумо были всегда чрезвычайно внимательными во время занятий. Тогда, как и в наши дни, они часто путешествовали по стране для участия в соревнованиях. Сразу же после возвращения в столицу они шли ко мне в додзё и рассказывали о достигнутых результатах.

Однажды я вместе с Онисики прогуливался по мосту Исикири в Койсикава. Внезапно начался дождь. Так случилось, что зонта у меня не было, но Онисики сразу же раскрыл свой зонтик над нашими головами. Однако, поскольку Онисики был ростом более шести чи, а я не достигал и пяти, его зонтик для меня был бесполезен. Заметив это, он передал зонт мне со словами: "Возьмите, пожалуйста, сэнсэй", а сам руками растянул над своей головой полотенце, и мы продолжили прогулку.

После завершения своей борцовой карьеры Онисики открыл ресторан в районе Цукидзи, куда и пригласил меня поужинать однажды вечером. Предложив мне сиденье, - он сам сел прямо на татами, оставаясь до конца верным этикету, регламентирующему отношения между учителем и учеником. Я отказался, но был глубоко тронут проявленным ко мне уважением.

Кроме Онисики и Фукуянаги у меня изучали каратэ ещё несколько известных борцов, и я думаю, что сам многому научился у них, так же, как они научились многому у меня. Я думаю, что конечные цели каратэ и сумо одинаковы: достижение совершенства тела и духа человека.

Сётокан

Невозможно было предвидеть катастрофу, поразившую Токио 1 сентября 1923 года. Это был день Великого Землетрясения Канто. Почти все здания в городе были деревянными, и пожар, возникший во время этого бедствия, в течение часа превратил огромный город в руины.

К счастью, моё додзё Мэйсэйдзюку осталось целым, но многие из моих учеников навсегда исчезли под обвалившимися и пылающими домами. Уцелевшие люди делали всё, что могли, чтобы помочь раненым и бездомным в первые дни после этого ужасного события. Я вместе с теми моими учениками,

которых не убило и не покалечило, организовал снабжение едой для людей в убежищах, расчистку улиц от обломков и помощь в уборке трупов.

Конечно, обучение каратэ в это время совершенно прекратилось. Но жизнь в городе не могла остановиться. Вскоре я получил случайную работу в банке Дайити Сого: мне поручили делать бумажные трафареты. Не помню точно, сколько мне платили за это и как долго я там работал. Запомнилось только, что ежедневные поездки из додзё в Суидобата до банка в Кёбаси казались мне бесконечными.

Припоминаю одну любопытную подробность этих ежедневных поездок. В те дни лишь очень немногие жители японских городов ходили по улицам в обуви. Все носили либо соломенные сандалии, либо деревянную обувь, называемую "гэта". Один из видов гэта называется "хоба но гэта" и имеет одну или две деревянные подставки. Именно такие гэта я и носил всегда для укрепления мышц ног.

Я делал так юношей на Окинаве и не видел причин изменять своим привычкам сейчас, при поездках на работу в банк. Гэта на одной подставке, которые я носил, были вырезаны из очень тяжёлого дерева и громко стучали при каждом шаге, как металлические гэта, которые носят теперь некоторые тренеры каратэ. Не сомневаюсь, что прохожие на улицах смотрели на меня со скрытой усмешкой, забавляясь тем, что человек моего возраста может быть так тщеславен, что пытается увеличить свой рост с помощью "подставок". Добавлю, что мне в то время было уже далеко за пятьдесят. Я заверяю читателей, что причиной этого было не тщеславие. Я считал ношение тяжёлых гэта необходимым упражнением в ежедневной тренировке ног.

Прошли недели и месяцы. Токио медленно начал отстраиваться заново, и само собой пришло время, когда мы поняли, что наше додзё давно нуждается в капитальном ремонте. Здание общежития в Мэйсэйдзюку было построено в 1912 или 1913 году и всё это время ни разу не ремонтировалось. К счастью, мы получили некоторую сумму от правительства префектуры Окинава, и Окинавское Общество Учёных выделило нам столь необходимые средства, благодаря чему мы смогли произвести ремонт.

Конечно, мы искали другие помещения на время ремонта. Услышав о моих затруднениях, известный учитель кэндо и мой хороший друг - Накаяма Хиромити - предложил мне использовать его додзё, когда оно свободно от кэндока. Сначала я арендовал маленький домик поблизости от додзё Накаяма, но вскоре смог, снять большой дом с большим двором, в котором я проводил свои занятия с учениками.

Наступило время, когда такое положение перестало соответствовать нашим требованиям. Увеличилось количество моих учеников, но выросло и количество кэндока. Мне было просто неудобно перед моим благодетелем. К сожалению, моё финансовое положение было ещё непрочным, и я не мог на свои средства осуществить очевидного решения: построить додзё специально для обучения каратэ.

Примерно в начале 1935 года Национальный Комитет Каратэ поддержал моё ходатайство и выделил средства для строительства первого додзё каратэ в

Японии. Конечно, я испытал чувство гордости, когда весной 1936 года впервые вошёл в новое додзё (в Дзосигая, район Тосима) и увидел над его дверью вывеску с названием "Сётокан". Это название присвоил ему Комитет. Я не знаю, по какой причине они выбрали в качестве названия мой литературный псевдоним, которым в юности я подписывал свои поэмы в "китайском" стиле.

"Мне бы очень хотелось, чтобы мастера Адзато и Итосу обучали своих учеников в новом додзё, но, увы, в день его открытия ни одного из них уже не было на этой земле. В своей комнате я возжёл ладан и помолился за их души. Перед моим мысленным взором предстали два великих учителя, которые улыбаясь, говорили: "Удачи тебе, Фунакоси, удачи! Не впадай в благодушие и самодовольство, тебе ещё многое предстоит сделать. Сегодня, Фунакоси, только начало Пути!"

Начало? Мне было уже около семидесяти лет. Где же должен был я найти время и силы, чтобы сделать всё, что должно быть сделано? К счастью, я никогда не чувствовал, своих лет и решил как советовали мне учителя, не сдаваться. Дел у меня оставалось много. Так или иначе, но я должен был их завершить.

Одной из первых задач после постройки нового додзё была разработка методики и программы обучения. Я также сформулировал требования к претендентам на новые ученические и мастерские степени. Количество моих учеников росло день ото дня, так что наше новое додзё, которое казалось более, чем достаточным вначале, очень быстро снова стало тесным.

Я действительно не чувствовал груза своих лет, но понимал, что не смогу осуществить всё задуманное. Мне нужно было управлять уже не только своим додзё. Многие токийские университеты создавали группы обучения каратэ при своих кафедрах физического воспитания, и все эти группы нуждались в инструкторах. Одному человеку обслуживать всё додзё и разъезжать из университета в университет было просто невозможно, поэтому своих наиболее способных учеников я назначил инструкторами в их собственных университетах вместо меня. Я взял своего третьего сына помощником в своём додзё и поручил ему проведение ежедневных тренировок, а сам только контролировал ход обучения у него и в университетах.

Я должен заметить, что наша деятельность не ограничивалась пределами Токио. Многие выпускники моего додзё и каратэка из университетов получали работу в провинциальных городах, в результате чего каратэ стало известным по всей стране, и было построено множество новых додзё. Теперь у меня появилась ещё одна обязанность: распространение каратэ привело к тому, что меня постоянно осаждали представители местных групп с просьбами приехать, чтобы прочесть им лекцию и устроить показательные выступления. Уезжая на продолжительное время, я знал, что оставляю додзё в надёжных руках моих старших учеников.

Меня часто спрашивают, как я выбрал себе псевдоним "Сёто", ставший названием нового додзё. Слово "сёто" в японском языке означает буквально "сосновые волны" и не имеет какого-то скрытого тайного смысла. Тем не менее, мне хотелось бы рассказать, почему я его выбрал. Мой родной город Сюри

окружён холмами, которые покрыты густыми лесами из криптомерии (японских сосен) и других субтропических растений. Среди холмов лежит гора Торао, принадлежащая барону Тёсукэ Изэ, который после моего приезда в Токио стал одним из моих первых покровителей. Слово "торао" в переводе означает "хвост тигра" и особенно подходит в данном случае, потому что гора была очень узкой и так густо заросла криптомериями, что действительно напоминала хвост тигра, если смотреть на неё издали. В свободное время я любил прогуливался вдоль горы Торао. Особенно хорошо было гулять ночью в полнолуние или при ясном небе, когда было светло от звёзд. В такое время, если подует лёгкий ветерок, можно было услышать шорох сосен и постичь всепоглощающую тайну Бытия. Для меня этот шорох был божественной музыкой.

Поэты всего мира воспевают в своих стихах таинство леса. Меня всегда влекло то завораживающее одиночество, которое символизирует лес. Моя любовь к природе была, вероятно, особенно сильной, потому что я был единственным сыном в семье и слабым ребёнком в детстве. Однако, после сказанного было бы преувеличением считать меня нелюдимым. Тем не менее, после тяжёлой тренировки я больше всего любил гулять в одиночестве.

Позже, когда мне было за двадцать, и я работал школьным учителем в Наха, я часто уходил на длинный узкий остров в заливе. Там был роскошный естественный парк Окунояма с великолепными соснами и большим прудом, в котором цвели лотосы. Единственным строением на острове был храм секты дзэн. Сюда я тоже приходил довольно часто, чтобы побродить в одиночестве среди деревьев.

К тому времени я занимался каратэ уже несколько лет и, чем глубже я познавал это искусство, тем больше проникался его духовной сущностью. Наслаждаться одиночеством, слушая шелест ветра в верхушках сосен, по-моему, есть лучший путь к достижению спокойствия разума, столь необходимого в каратэ. Это было частью моей жизни в раннем детстве, и я решил, что лучшего псевдонима, чем "Сёто", для моих стихов мне не найти. Прошли годы, и мой псевдоним стал известен больше, чем имя, данное мне родителями при рождении. Часто случалось, что люди меня не признавали, если я не добавлял к своему имени Фунакоси псевдоним Сёто.

ПРОСТО ЖИЗНЬ

Тяжёлые утраты

Над далёкими полями Маньчжурии и Монголии уже собирались тучи войны, но над моей Японией небо было голубым и мирным. Жизнь шла своим чередом. Император, как и прежде, выполнял свои многочисленные обязанности.

Я готовился к показательным выступлениям по каратэ перед императором. Они должны были проходить в императорском дворце, и я был допущен на них в качестве одного из участников.

До сих пор я прекрасно помню все события того дня, когда я и несколько моих учеников исполняли каратэ ката в присутствии своего императора. Бедный окинавский юноша, который каждую ночь тайком ходил брать уроки в дом своего учителя, не смел даже во сне мечтать о столь высоком взлёте в своей карьере

мастера каратэ. Но это произошло. Я был удостоен высочайшей чести исполнять каратэ ката перед императором. Мне было уже далеко за пятьдесят.

Я уже выступал перед императором ранее, когда он был ещё наследным принцем и посетил Окинаву во время своей поездки в Европу, но ситуация тогда была совсем другой. В то время каратэ было одним из наименее известных боевых искусств. Фактически, оно было совершенно неизвестным за пределами островов Рюкю. Теперь каратэ занимало своё почётное место среди других традиционных боевых искусств. Я отлично понимал огромную разницу между моим выступлением на Окинаве и этим выступлением в Токио, поэтому мне с трудом удавалось сохранять спокойствие.

После выступления меня пригласили на встречу с Тинда Сутэки, распорядителем императорского двора. Он сказал мне, что император хорошо запомнил выступление в замке Сюри и спросил, не тот ли самый человек выступает сейчас здесь, в Токио. Читатель может представить себе мои чувства, когда я услышал эти слова!

Тем временем наши мирные дни закончились. Когда разгорелся маньчжурский конфликт, Япония быстро стала готовиться к большой войне. Теперь количество учеников, приходящих в моё додзё, увеличилось ещё больше. После начала войны в Китае и начала Второй Мировой войны моё додзё уже не могло вместить всех молодых людей, желающих тренироваться. Так как занятия проходили во дворе и даже на улице, то я беспокоился, что стук кулаков по "макивара" будет мешать соседям.

Всё чаще ко мне приходили юноши и говорили, становясь передо мной на колени: "Сэнсэй, меня призывают в армию. Иду служить моей Родине и моему Императору!" Ежедневно, иногда по несколько раз, приходилось мне слышать это от своих учеников. День за днём они старательно изучали каратэ, готовясь к рукопашной схватке" с ненавистным врагом, и верили, что способны на это. Действительно, мне рассказывали, что некоторые офицеры приказывали своим солдатам в случае невозможности применения винтовки или меча атаковать противника безоружными. Такая отчаянная атака в армии называлась "атакой каратэ".

Много моих учеников погибло в сражениях. Так много, что я потерял им счёт. Моё сердце было готово разорваться, когда я получал известие за известием о гибели таких многообещающих юношей. После каждого такого сообщения я оставался в опустевшем додзё один, устремляя свою молитву к душе погибшего ученика и вспоминал дни, когда он старательно занимался каратэ в моём додзё.

Как и многие другие, я и моя семья испытали личное горе, которое усиливалось тем, что становилось очевидным: Вторая Мировая война закончится поражением Японии. Когда весной сорок пятого года мой третий сын Гиго заболел и попал в госпиталь, я переехал вместе со старшим сыном в Койсикава. Пока я там жил, моё додзё было полностью разрушено во время воздушного налёта.

Я вспоминал о том, с какими любовью и щедростью оно было построено энтузиастами каратэ. Это додзё было воплощением их преданности боевому

искусству, и его постройка казалась мне самым важным делом в моей жизни. Теперь за один миг его не стало.

Вскоре, как и ожидалось, произошла подлинная катастрофа: император подписал акт о безоговорочной капитуляции Японии. После этого в жизни столицы начался хаос, который был гораздо больше, чем я мог предполагать, поэтому я уехал из Токио в город Оита на острове Кюсю, куда ещё раньше бежала моя жена после начала битвы за Окинаву. Я надеялся, что вдвоём мы легче переживём эти трудные дни, а мне будет проще найти себе пропитание в провинции, чем в разрушенной, разорённой и голодной столице.

Но моя жизнь на Кюсю была совсем не такой, как я себе её представлял. В Оита было множество эвакуированных с Окинавы, но мы не имели родственников среди толпы беженцев. Не так уж хорошо было и с питанием: немного овощей, которые мы сами выращивали и морские водоросли, которые мы собирали на берегу моря. Моя жена была уже довольно старой женщиной и недолго сохраняла свой неукротимый дух.

Однажды она вдруг почувствовала, что ей стало плохо. Её уже давно изводила астма, которая теперь приобрела столь тяжелую форму, что она дышала с большим трудом. Я помню, что я сидел рядом с ней и вдруг увидел, как она приподняла своё измученное тело и повернулась лицом в сторону Токио. Её губы шевельнулись в беззвучной молитве. Потом она повернулась в сторону Окинавы, сжала свои дрожащие руки и прошептала другую молитву. Конечно же я догадался, о чём она думала: глядя в сторону Токио, она думала об императоре и императорском дворце, она думала о своих детях и внуках. Когда она смотрела в сторону Окинавы, то возносила свою последнюю молитву к духам предков прежде, чем присоединиться к ним.

Моя жена умерла. На протяжении многих лет, она делала всё возможное, помогая мне и поддерживая меня в моём служении каратэ. Ей в жизни всегда было очень трудно. Так было, когда я оставил её одну и уехал в Токио на рубеже своего пятидесятилетия. Так было, когда мы вместе жили на Окинаве. Мы были так бедны, что не могли пользоваться простыми жизненными благами, обычными для многих супружеских пар. Свою жизнь она отдала мужу, думающему только о каратэ, и детям.

Её исключительные достоинства произвели такое большое впечатление на жителей Оита, что для неё они пошли на весьма серьёзное нарушение своих старинных погребальных традиций. В местный похоронный дом разрешалось вносить только тела людей, родившихся в Оита. Тела всех других умерших передавались в морг города Юсуки. Деревенские священники решили изменить давним традициям и кремировать тело моей жены в местном похоронном доме. Такое исключение, было сделано ими впервые за всю историю деревни. Оно явилось трогательной данью её памяти, её исключительным человеческим качествам.

Поздней осенью 1947 года, захватив урну с прахом жены, я поехал в Токио, где собирался временно поселиться в доме у старшего сына. Разбитый поезд военного времени медленно тащился в Токио, останавливаясь на многочисленных

станциях. К моему удивлению, на каждой станции меня встречали мои прежние ученики, которые приходили, чтобы выразить мне свои соболезнования. До сих пор я не могу понять, как они узнали, что я еду именно в этом поезде, как узнали о смерти моей жены? Помню, что я был очень тронут их вниманием. Слёзы неудержимо струились по моим щекам. Я только тогда до конца осознал свою потерю и понял, что моя жена умерла так же достойно, как и прожила свою жизнь.

Постижение сути

В последние годы я всё чаще и чаще слышу от людей выражения "каратэ саннэн гороси" или "каратэ гонэн гороси", означающие, что человек, получивший удар каратэка, неминуемо умрёт через три или пять лет после удара. Это кажется невероятным преувеличением, но доля истины в этом есть, и я хочу очень коротко пояснить, в чём тут дело.

Безусловно, совершенно неправильно было бы говорить, что, если вы ударите противника определённым образом, то он обречён на смерть в течение последующих трёх-пяти лет. Истина в том, что человек, получивший такой удар, если он не умер в момент удара, может умереть через несколько лет в результате последствий этого удара. Кроме того, некоторые удары каратэ могут способствовать сокращению жизни жертвы. В этом и заключается та маленькая доля истины вышеуказанных выражений.

Как родилось такое представление об ударах каратэ? Без сомнения, все мои читатели видели фотографии каратэка, разбивающего доски и черепицу голыми руками. Обычно первая доска или черепица остаются неповреждёнными, в то время, как следующая за ней разбивается. Доска, по которой действительно наносится удар, не имеет видимых признаков воздействия разрушительной силы. То же самое справедливо относительно ударов по телу человека: на поверхности тела вроде бы нет никаких следов, но внутренности могут быть серьёзно повреждены. Мы все слышали о случаях, когда человек, получив удар, не чувствовал боли или не придавал ей значения. Потом, через некоторое время, возможно через несколько лет, у него возникает боль, которая может увеличиваться. Вам следует всегда помнить, что нанесение таких ударов, как и разбивание досок и черепицы, далеки от подлинной сути каратэ-до.

Искусный каратэка легко может разбить пять досок одним ударом. Обычный человек, абсолютно ничего не знающий о каратэ, и прошедший специальную подготовку, сможет разбить три-четыре доски. Очевидно, мы не можем сказать, что в результате этого он пришёл к пониманию сути каратэ. Если этот человек попытается использовать полученное таким образом умение для нападения на других людей, то, скорее всего, потерпит поражение. Он преуспел в тренировке своих рук, но не понял сути искусства каратэ.

Я помню, когда я впервые приехал в Токио, столичная полиция была напугана сообщениями о том, что каратэ можно использовать, как опасное

средство нападения. Сегодня люди не столь глупы. Несколько лет спустя, один высокопоставленный офицер полиции пожаловался мне: "Вы знаете, каждого, носящего пистолет или меч, можно арестовать, но оружием каратэка являются его руки и ноги, и мы не можем арестовать человека за ношение такого "оружия". Прошу Вас предупредить юношей, которые тренируются в вашем додзё, чтобы они не использовали свои знания в дурных целях. В стране сейчас и без них много преступников!"

Я всегда сознавал, что если с моей помощью преступники изучат каратэ и, используя его, начнут калечить и убивать людей, моё имя будет навсегда покрыто позором. Сегодня я горжусь тем, что среди нескольких десятков тысяч моих учеников ни один не использовал своё умение вопреки закону.

Я всегда подчёркивал, что каратэ-до - это благородное искусство самозащиты, и оно никогда не должно служить средством нападения. "Будьте всегда осторожны в словах,- писал я в одной из своих первых книг,- потому что хвастливый человек наживёт себе много врагов. Никогда не забывайте старую пословицу: "Сильный ветер может сломать даже крепкое дерево, а ива склоняется под ним и остаётся совершенно невредимой." Главными ценностями каратэ являются благоразумие и скромность."

Вот почему я учил своих учеников всегда поддерживать состояние боевой готовности, но никогда не использовать своё мастерство для нападения. Ни при каких обстоятельствах нельзя пускать в ход кулаки для решения личных споров.

Некоторые из самых молодых учеников, признаюсь, не соглашались со мной; они были уверены, что каратэ нужно использовать, если обстоятельства делают это совершенно необходимым. Я всегда старался доказать им, что это - совершенно неверное понимание истинной сути каратэ-до.

Каратэ используют только в том случае, когда решается вопрос о жизни и смерти. Но как же можно подвергать свою жизнь такой опасности, если нам отведено всего лишь несколько лет для жизни на земле? Нет, какими бы ни были обстоятельства, каратэ нельзя использовать для нападения. Чтобы моя точка зрения стала более понятной, я приведу пример с юношей, который очень короткое время посещал мое додзё в Мэйсэйдзюку и однажды решил испытать силу своих ударов ногами на собаке, охранявшей садик возле дома барона Мацудайра. Эта глупая попытка привела к тому, что собака очень сильно укусила его. Таков результат извращения сути каратэ. Я утверждаю, что настоящий каратэка должен прилагать все свои силы для того, чтобы не извращалась подлинная суть боевого искусства.

Хочется прокомментировать ещё одно хорошо известное выражение: "в профессиональной борьбе часто используется рубящий удар каратэ". Профессиональная борьба - это не тот предмет, о котором я могу говорить компетентно, потому что я знаю о ней очень мало или ничего. Я не люблю быть частью толпы, а потому никогда не хожу на матчи и смотрю их только по телевизору.

Этот знаменитый "рубящий удар каратэ" основное "оружие", которое использует Рикидо-сан, человек, наиболее тесно связанный с популяризацией

профессиональной борьбы в Японии, за что я уважаю его. Я был совершенно поражён, когда он рассказал мне, что сам был борцом сумо и тренировался вместе с Тогава Юкио, который занимался в моём додзё.

Рикидо-сан изучал каратэ прежде, чем занялся профессиональной борьбой. Это показывает, как тщательно он изучал всё, относящееся к его профессии.

Когда я увидел по телевизору его знаменитый "рубящий удар каратэ", я понял, что это - ничто иное, как вариант известного в каратэ удара "сюто". Слово "сюто" означает "рука-меч*", а название удара говорит о том, что рука используется, как лезвие меча, пальцы ладони при этом выпрямлены и плотно сжаты вместе.

Однако, несмотря на их очевидное сходство: "рубящий удар каратэ" и сюто - две совершенно разные техники. Когда я наблюдал за Рикидо-сан по телевизору, мне показалось, что руками он работает подобно мальчику, размахивающему бамбуковым мечом. Сюто в каратэ - это гораздо более опасное оружие: он подобен острому стальному мечу. Удар сюто, нанесённый по шее противнику может убить его на месте. Удар сюто по ключице легко ломает кость, и ладонь, как лезвие меча, может пройти сквозь тело противника. Этим ударом часто разбивают доски и черепицу.

"Рубящий удар каратэ" происходит от удара сюто, но опытный каратэка найдёт в них множество различий. В каратэ, например, рука редко поднимается выше головы, хотя начинающие делают это при исполнении ката, утверждая, что это помогает им добиться большей свободы движений. Подлинный мастер каратэ никогда не поднимает руки так высоко, как это делают борцы-профессионалы при выполнении "рубящего удара каратэ".

Кроме того, они наносят удар почти полностью выпрямленной рукой, а сюто наносится без широкого замаха. Физического движения при этом меньше в сравнении с "рубящим ударом каратэ", но сюто, конечно, более эффективен.

Путь к долголетию

Журналисты и врачи часто задают мне один и тот же вопрос: они хотят знать, как мне удалось практически добиться долголетия? Я всегда совершенно искренне отвечаю, что у меня нет секретного рецепта, кроме умеренности хотя мне уже девяносто лет, но у меня такое хорошее здоровье и такой бодрый дух, что не будет для всех сюрпризом, если я сегодня скажу, что, началась моя новая жизнь.

Да, умеренность! Я думаю, что, если я расскажу читателям о некоторых своих многолетних привычках, они более ясно поймут, как я смог дожить до такого возраста и сохранить активность. Как я уже упоминал в самом начале книги, родился я недоношенным, и поэтому мои родственники и соседи считали, что я не проживу и трёх лет. Теперь, девяносто лет спустя, я всё ещё продолжаю обучать каратэ и пишу книги, а мой ум занят мыслями о новых делах, как будто я прожил лишь половину своей жизни.

Давайте рассмотрим такой важный элемент, как питание. Я ем всегда экономно, никогда не наедаясь до насыщения. Овощи - важнейшая часть моей диеты. Хотя я люблю и мясо, и рыбу, но ем их немного. Я взял за правило не есть более половины рыбы и более одной тарелки супа за раз. Я думаю, что сдержанность в отношении еды - одна из главных причин того, что я сохранил превосходное здоровье. Я думаю также, что мне помогла привычка, которая у меня была всегда: есть горячую пищу летом и холодную - зимой. Например, я никогда не ем мороженное и шербет в жаркую погоду, как это делает большинство людей.

Что касается одежды, то я всегда одеваюсь легко. На Окинаве круглый год тепло, и необходимости в тёплой одежде нет, но даже здесь, в наши токийские зимы, я одеваюсь, как можно легче. Я никогда не пользуюсь для обогрева угольной жаровней или угольными обогревателями, никогда не применяю грелок или бутылок с горячей водой.

В течение всего года я сплю на татами с деревянной подставкой или соломенной подушкой под головой. Даже зимой я укрываюсь только одним одеялом и никогда не беру дополнительного. Моя семья была бедной, поэтому я рано привык к относительному аскетизму, а впоследствии никогда не находил достаточно веских причин, чтобы изменить привычный мне образ жизни. Сейчас я арендую квартиру на одном из верхних этажей многоэтажного дома. Всё это я делаю умышленно, потому что считаю, что подъём по ступенькам даёт прекрасную тренировку мышцам ног. Эта привычка тоже сыграла важную роль в сохранении отличного здоровья в течение многих лет.

Просыпаюсь я всегда рано. Полагаю, что мои юные читатели, которые хотят извлечь пользу из моих советов, удивятся, когда узнают, что проснувшись, я сам сразу же аккуратно сворачиваю одеяло и убираю свою постель в шкаф. Когда я жил на Окинаве, то никогда не позволял жене делать это за меня. Теперь я запрещаю делать это за меня своим детям и внукам. Я всегда придерживался правила: обслуживать себя самостоятельно, будь то уборка комнаты, проветривание постели или стирание пыли с книг. Я твёрдо убеждён в важности чистоты и сам делаю необходимую домашнюю уборку. Этого правила я придерживался всегда.

Поднимаясь, я сначала стираю пыль с портрета императора Мэйдзи в дворцовом платье, подаренного мне моими детьми, а потом с портрета Сайгё Такамори, выдающегося государственного деятеля и воина периода Мэйдзи, подаренного мне его внуком. Сайге Китиносуке. После этого я прибираю комнату, выполняю некоторые ката, умываю руки и лицо, а потом сажусь завтракать.

Теперь, бывает, что я потакаю своим слабостям, чего никогда не позволяя себе в молодости: иногда немного вздремну перед обедом. Во второй половине дня я часто занимаюсь каллиграфией или чтением. Каллиграфией я, как правило, занимаюсь по просьбам учеников, которые, заканчивая университет, вступают на путь самостоятельной жизни и, уезжая на новое место, просят меня написать для них на память какое-либо пожелание.

Я занимаюсь каллиграфией с детства, но никогда до сих пор никому не разрешал готовить для меня тушь. Мои читатели должны хорошо знать, что японские каллиграфы пользуются палочками твёрдой туши, которую они растирают в каменной тушечнице с водой. Это длительный процесс, поэтому часто я выполняю просьбы моих учеников, лишь спустя несколько месяцев. Хочется верить, что они видят причину такой задержки не в моём преклонном возрасте!

Занимаясь каллиграфией, я не пользуюсь очками, но вынужден надевать их, читая письма, написанные ручкой и чернилами. Слух у меня пока острый, но, должен признаться, что зубы у меня уже не свои. Во время еды протезы меня не беспокоят, но при разговоре они иногда высвобождаются, и я боюсь, они могут вывалиться, поэтому я прижимаю их пальцами к дёснам, что не способствует внятности произношения. Надеюсь, что вскоре мне удастся купить себе новые и более удобные протезы.

Кроме всего этого, человек вряд ли сможет достичь моего возраста без внимания и заботы других людей. Иногда я упрекаю жён своих сыновей: "Предупреждайте ваших мужей, чтобы они были поосторожнее, отправляясь в город,- там на улицах так много машин и автобусов! Если с ними что-то случится, они уже не получат второй молодости."

"Отец,- возражают они мне,- ну когда же Вы повзрослеете?"

Я никогда не был подвержен двум порокам - курению и пьянству. Ещё в молодости мои учителя каратэ советовали мне воздержаться от этих дурных привычек, и я всегда следовал их предостережениям. "Если ты находишься в одной компании с десятью, двадцатью или пятьюдесятью приятелями,- говорил мне один из учителей,- помни, что все они, напившись, могут превратиться в твоих врагов. Прежде чем выпить, всегда вспомни об этом."

Одной из моих многолетних привычек является ежедневный приём ванны, но, в отличие от большинства моих соотечественников, я предпочитаю воду умеренно тёплую и не задерживаюсь в воде долго. В прошлом, когда я пользовался общественной баней, банщик предлагал мне массаж, но я всегда отказывался, потому что боюсь щекотки. И теперь в семье молодые так же предлагают мне сделать массаж, но я отговариваюсь тем, что хотя я и стар, но мышцы мои в превосходном состоянии.

И это действительно так, хотя, увидев меня гуляющим по улице, этого не подумаешь, поскольку до сих пор я использую "скользящую" походку, которую мы называли "суриаси" и которая была модной в дни моей юности. Молодые люди, не знакомые с этой старомодной манерой ходьбы, могут подумать, что у меня слабые колени, но они ошибутся.

Я хожу по городу совершенно один и свободно добираюсь, например, в город Камакура. Садясь в вагон или выходя из вагона, я не нуждаюсь в посторонней помощи и сожалею о том, что все университеты всегда присылают за мной машину, когда я отправляюсь читать лекции студентам. Я очень огорчился, когда, встретив на одной из прогулок своего бывшего ученика, был вынужден уступить его настойчивым просьбам и разрешил проводить меня до

места назначения. Это, конечно, была огромная любезность с его стороны, но я не чувствую необходимости в каких бы то ни было провожатых, несмотря на то, что волосы мои седые, и лишь десятилетие отделяет меня от столетнего юбилея.

Гораздо большее сожаление вызывает у меня ослабление памяти. Иногда я забываю вещи или допускаю нелепые ошибки, например, выхожу не на той остановке. Однако, я думаю, что и молодые люди иногда совершают подобные ошибки, поэтому я отказываюсь считать их проявлением старости. Ошибки памяти распространяются и на учеников в отделениях каратэ различных университетов. Их там так много! Иногда я забываю не только их имена, но даже в каком университете они учатся. Пока они остаются студентами и носят студенческую униформу, задача решается сравнительно просто, но она очень усложняется, когда мои бывшие ученики по окончании учёбы одеваются в обычную "гражданскую" одежду.

Иногда те, кого я учил десятки лет назад навещают меня, приезжая в Токио. Конечно, они помнят меня достаточно хорошо, но ведь количество моих бывших учеников перевалило уже за тысячи. Очень часто я не знаю, что им сказать, и ищу единственное спасение в стандартной фразе: "Подумать только, как же вы выросли!"

После ухода гостей самые юные члены нашей семьи слегка подтрунивают надо мной: "Дедушка, ведь твой гость богатый и процветающий господин. Не думаешь ли ты, что не очень-то вежливо говорить ему, что он вырос, как ребёнку?" Тем не менее, я всегда рад приходу своих бывших учеников, которым очень благодарен за их помощь в распространении и развитии каратэ.

Одним из самых больших удовольствий для меня являются встречи с молодыми энтузиастами каратэ. Примерно пять лет назад я был приглашён в Симода такой группой энтузиастов. Я сел на поезд до Ито, а потом пересел на автобус. Когда юноши встречали меня, то, я думаю, они предполагали увидеть меня смертельно уставшим. С чуткостью и заботой они проводили меня в гостиницу, где была забронирована комната на первом этаже. Я попросил себе комнату на верхнем этаже, сказав управляющему, что там прекрасный вид из окна, и я лучше буду чувствовать себя там, когда проснусь. Управляющий был рад сделать мне одолжение, но у юных каратэка и служащих гостиницы возникло опасение, что я, спускаясь вниз, могу споткнуться и свалиться с лестницы. Мне пришлось продемонстрировать всем, что человек в возрасте девяноста лет ещё может самостоятельно подняться на верхний этаж и спуститься вниз.

Как я потом узнал, жители города предполагали, что мне по меньшей мере на двадцать лет меньше. Всё моё путешествие в Симода было очень приятным, но пригласившие меня, казалось, получили удовольствия гораздо больше, чем я. Вспоминая их улыбающиеся лица, которые были со мной всюду, я понял, что дело моей жизни далеко от завершения. Хотя каратэ-до прошло большой путь развития, оно ещё не достигло той популярности, о которой я мечтал. Тогда я понял, что должен идти вперёд по жизненному пути, пока не увижу завершения работы, начатой мною много лет назад.

Вежливость

Некоторые энтузиасты каратэ думают, что его можно изучить, только занимаясь с настоящими инструкторами в додзё. Там можно изучить технику, но при этом никогда не стать истинным каратэка. Буддистская пословица говорит, что "любое место может быть додзё", и каждый, кто хочет следовать по пути каратэ, не должен забывать об этом. Каратэ-до - это не только умение применять приёмы самозащиты, но и путь постижения искусства быть хорошим и честным членом общества.

Мы приветствуем наших друзей, говоря им "Доброе утро!" или "Добрый день!", и делимся впечатлениями о погоде. Это настолько привычно, что мы не задумываемся над этим. А, пожалуй, стоило бы поразмыслить. Сейчас, во время расцвета свободы и демократии, я рискую прослыть консерватором и даже реакционером, если предложу всем вежливость, которую мы демонстрируем в отношении соседей и знакомых, распространить на членов наших семей.

Однако, я уверен, что нам необходимо оказывать больше внимания нашим одиноким родителям, бабушкам, дедушкам, братьям и сестрам. Это такое обычное дело, что мы о нём просто забываем. Юные в особенности должны проявлять величайшее уважение к старикам и заботиться о своей семье. Это очень важно не только для занимающихся каратэ, но и для всех людей вообще. Сознание подлинного каратэка должно быть наполнено такой заботой прежде, чем он обратит внимание на свой тело и совершенствование техники. Любовь к каратэ, любовь к себе, любовь к семье и друзьям: всё это - разные проявления единой любви к своей Родине. Подлинную сущность каратэ можно постичь только через эту любовь.

Возьмем, для примера, одно из обычных повседневных дел - посещение общественной бани. Наверное, каждому из нас приходилось столкнуться с тем, что долгие поиски свободного черпака или деревянного тазика завершаются около искомого, наполовину заполненного грязной водой. Это означает, что перед использованием вы должны очистить его от грязи. Оказывается, предыдущий посетитель пренебрёг элементарными правилами поведения. Некоторые люди полощут своё полотенце в общей ванне и иногда заходит так далеко, - что моются в воде, использованной другими посетителями. Иногда человек, желая побриться, видит, что зеркало занято, и вместо того, чтобы дождаться, пока оно освободится, начинает бриться без зеркала, не видя, что он делает. Каждый воспитанный человек, одевшись, сделает три-четыре шага, чтобы поставить корзину, в которой лежало его бельё, на прежнее место и не оставит эту работу банщику. Общественная баня - одно из лучших мест в мире, где каждый человек в повседневной жизни может показать окружающим, что он из себя представляет на самом деле.

Я не помню, как давно это было, но мне случилось прочесть автобиографию ныне покойного Номы Сэидзи, основателя крупнейшего книжного издательства "Коданся". Я хорошо запомнил эту книгу и извлёк из неё очень важный урок. Одно место его автобиографии произвело на меня особенно яркое впечатление.

"Каждый вечер я хожу в общественную баню,- писал автор.- Когда бы я ни пришёл, банщик приветствовал меня словами: "Добро пожаловать!", а когда я уходил, он всегда вежливо говорил мне: "Благодарю Вас за посещение!" Я долгое время не отвечал на его приветствия, но однажды вдруг осознал, что это просто невежливо."

Нома Сэидзи подчёркивал особую важность ответов на такие приветствия, и я решил использовать его совет в аналогичной ситуации. На следующий день, войдя в баню, я услышал слова приветствия, улыбнулся, банщику и ответил: "Добрый вечер!" Банщик, более, чем удивлённый моим неожиданным ответом, тоже улыбнулся мне. Выходя, я в ответ на его слова "Благодарю Вас за посещение" вежливо пожелал ему "Спокойной ночи!" После этого случая мы с банщиком стали друзьями! Тон его голоса, который ранее был почти безразличным, стал более тёплым, а для меня посещение бани стало большим, чем ежедневной привычкой.

Я всегда говорю своим ученикам: "Тот, кто думает только о себе, не готов к занятиям каратэ." Я заметил, что те ученики, которые серьезно изучают это искусство, всегда очень вежливы в обращении друг с другом. Они также проявляют большую настойчивость в достижении цели, что очень важно при изучении каратэ.

Каждый год в апреле множество новых учеников начинают заниматься в группах каратэ на кафедрах физического воспитания университетов. Большая часть новичков приходит на занятия для того, чтобы физически окрепнуть, воспитать волю и развить силу духа. В массе учеников всегда находятся и такие, которые изучают каратэ, чтобы потом использовать его в драке. Они, как правило, незаметно исчезают из додзё через полгода занятий, потому что подобные глупцы не способны следовать подлинному пути каратэ.

Интерес к каратэ, несмотря на тяжёлые тренировки, способен сохранить только человек с высокими идеалами, который хорошо понимает: чем труднее тренировки, тем пленительнее это искусство.

САМОЕ ГЛАВНОЕ

Шесть правил постижения сути

Я уверен, что лучший путь постижения сути каратэ-до заключается не в изучении техники ката, а в постижении смысла, заключённого в каждом упражнении. Технику всех ката я очень подробно разобрал в книге "Каратэдо кйхон" и кроме того, не они являются главным предметом моей автобиографии. Здесь я хочу только указать шесть правил, строгое соблюдение которых совершенно необходимо всем тем, кто стремится постичь суть искусства каратэ.

1. Вы должны быть предельно целеустремлённым на всех тренировках. Когда я говорю так, то имею в виду не то, что вы должны быть достаточно усердны и старательны, это само собой. Я подразумеваю, что ваш воображаемый противник должен всегда присутствовать в вашем подсознании, сидите вы или стоите, шагаете или делаете движение руками.

Если в бою вы наносите удар, то должны быть абсолютно убеждены в том, что этот удар - единственный, это - ваш последний шанс, и именно он решает всё в вашей жизни. Если вы сделаете сейчас ошибку, то погибнете. Необходимо всегда быть готовым к такой возможности.

Вы можете тренироваться в додзё много и даже очень много, но если при этом вы только машете руками и ногами и прыгаете вверх и вниз, как марионетка, то ваше обучение каратэ не очень отличается от обучения танцам. Так вы никогда не постигните сути искусства каратэ-до. Быть предельно целеустремлённым важно не только для каратэка, это столь же важно в повседневной жизни каждого человека, потому что жизнь сама по себе является борьбой за существование. Тот, кто благодушно думает, что после первой неудачи у него будет другой шанс исправить ошибку, редко добивается успеха в жизни.

2. Отдавайтесь тренировке всем своим существом, забудьте о болтовне. Очень часто люди, которым не хватает трудолюбия на тренировках, много болтают о каратэ.

Я вспоминаю, как один каратэка, отработывавший очень сложное ката, сказал мне со вздохом: "Совершенно невозможно тренироваться упорнее, чем я. Я тренируюсь уже два месяца, но никак не могу освоить это ката. Что же мне делать?" Два месяца!!! Да, разве можно освоить ката за два месяца?!

Позиция "кибадати", например, кажется очень простой, но никто не сможет освоить её, даже если он будет тренироваться каждый день в течение года, до тех пор, пока его ступни не станут тяжёлыми, как свинец. Сколь вздорны тогда жалобы человека, который хочет за пару месяцев добиться мастерства в ката!

Настоящее мастерство каратэка приобретается не чтением и разговорами, а систематической тренировкой своего тела. Если другим удаётся добиться

мастерства в ката, которое вы отрабатываете, то почему же вы не можете сделать этого? Что вы делаете неправильно? Эти вопросы вы должны задавать себе постоянно и тренироваться до тех пор, пока не упадёте от усталости; и даже после этого вы должны продолжать тренировки, поддерживая тот же строгий режим. То, что вы узнали, услышав от других, забудете очень скоро; то, что вы заучили всем своим телом, будете помнить до конца жизни.

Каратэ-до содержит такое огромное количество ката, приёмов и базовых техник, что ни один человек не способен усвоить их за короткое время. Кроме того, не поняв значения каждой техники в ката, вы никогда не сможете запомнить, независимо от продолжительности ваших занятий, всё многообразие приёмов и техник. В каратэ-до всё взаимосвязано. Если вы не можете понять отдельной части, то не поймёте и целого. Если же вы полностью овладели одной техникой, то вы поймёте её тесную взаимную связь с другими техниками. Вы поймёте, что все ката (их более двадцати) могут быть сведены к нескольким основным техникам, поэтому, если вы добились мастерства в исполнении хотя бы одного ката, то вскоре начнёте понимать и остальные, даже только наблюдая за их исполнением или изучая их под руководством своего инструктора.

3. Будьте настойчивы и не сворачивайте с избранного пути. Я хочу вам рассказать одну старую историю, которая хорошо иллюстрирует это правило. Это история одного очень известного ракугока, который в юности постигал своё искусство у очень строгого учителя. День за днём, неделю за неделей, месяц за месяцем, год за годом юноша декламировал один и тот же кусок из "Тайкоки", а учитель так и не разрешал ему перейти к чему-то другому.

Наконец, совершенно отчаявшийся юноша, которым был, если я правильно помню, знаменитый ракугока Косидзи, убедил сам себя в том, что он совершенно не годится для этой профессии и сбежал ночью из дома своего учителя.

Косидзи пешком отправился в столицу Эдо, чтобы найти себе более подходящее занятие. Он шёл по дороге Токайдо и остановился переночевать на постоялом дворе в префектуре Сидзуока, где по счастливой случайности в тот же самый вечер хозяин двора проводил состязание сказителей.

Терять бедному юноше было нечего, и он принял участие в состязании, где прочитал, конечно, тот же самый отрывок из "Тайкоки", чтение которого он отрабатывал так долго. После того, как он закончил, хозяин постоялого двора не мог сдержать своего восхищения. "Это было прекрасно!- воскликнул он.- Скажите мне, кто Вы? Я уверен, что Вы - очень знаменитый мастер!"

Юный Косидзи, польщённый неожиданной для него похвалой, признался, что он - всего лишь начинающий ракугока. Его изумлённый собеседник воскликнул: "В это невозможно поверить! Вы выступали перед нами, как знаменитый мастер. У кого же тогда Вы учитесь?"

Хосидзи рассказал ему, что сбежал от чрезмерной требовательности учителя.

"Ах, какую ужасную ошибку Вы совершили! - воскликнул хозяин постоялого двора.- Ведь только благодаря требовательности вашего учителя, Вы

смогли так замечательно выступить сегодня вечером. И это после всего лишь нескольких лет обучения! Позвольте дать вам совет. Немедленно возвращайтесь к своему учителю, попросите у него прощения и умоляйте его возобновить ваше обучение"

Юный Косидзи послушался совета, вернулся к учителю и стал позднее очень известным ракугока того времени.

Я рассказал эту историю не только для того, чтобы вдохновить на упорные и настойчивые занятия юных ракугока или каратэка. Я рассказал её, как поучительный пример, имеющий истоки в реальных событиях и дающий нам положительный жизненный опыт.

4. Избегайте чванства и догматизма. Человек, который бахвалится перед окружающими или ведёт себя на улице развязно, никогда не добьётся подлинного уважения, даже если он обладает очень хорошими способностями к каратэ или другому виду боевого искусства. Ещё более абсурдно слышать бахвальство тех, у кого нет способностей. В каратэ именно начинающие обычно поддаются искушению похвалиться и пустить пыль в глаза. Совершая такое, ученик позорит не только себя, но и то искусство, которому решил себя посвятить.

5. Старайтесь видеть себя в истинном свете и использовать всё положительное в опыте других. На тренировках вы будете часто работать с партнёром. Когда вы видите сильные стороны вашего партнёра, постарайтесь их перенять. Если на тренировке вам показалось, что у вас всё получается хуже, чем у партнёра, спросите себя, чего вам не хватает? Может быть вам не хватает настойчивости? Каждый из нас имеет хорошие качества и плохие; мудрый человек стремится превзойти то лучшее, что он нашёл в других и избегает дурного.

6. Всегда придерживайтесь твёрдых этических принципов в своей повседневной жизни, как общественной, так и личной. Это правило требует строжайшего соблюдения. В боевых искусствах, особенно в каратэ-до, многие начинают свой путь новичками, а потом, постепенно прогрессируя, добиваются больших успехов и становятся лучшими каратэка, чем их учитель. Всё чаще я слышу, что учителя обращаются к ученикам с такими словами, как "осизэго", "монтэй", "дэси", "кохай". Мне кажется, что таких обращений следует избегать, ибо неизбежно наступит время, когда ученик превзойдёт своего учителя. Учитель, использующий такие обращения, подвергается опасности впасть в самодовольство и забывает, что наступит день, когда молодой человек, к которому он обращался столь пренебрежительно, не только догонит, но и опередит его в искусстве каратэ или в какой-то другой области человеческой деятельности. Известная притча о черепахе и зайце написана, не только для маленьких детей. Я часто говорю моим юным коллегам, что никто не достигнет совершенства в каратэ-до, пока не поймёт, что каратэ - это, прежде всего, Вера и Жизненный Путь.

Когда человек берётся за дело, он горячо молится об успехе своего начинания. Тем не менее, он знает, что нуждается в помощи других людей: успеха не добиться в одиночку. В каратэ-до, оказывая помощь другим и принимая помощь от других, человек приобретает способность возвышать искусство до Веры, которая помогает совершенствовать и тело, и душу, и приводит, наконец, к пониманию подлинной сути каратэ-до.

Мне бы очень хотелось думать, что я неправ, но мне кажется, что молодые каратэка слишком часто стали употреблять такие выражения, как "дзицурёку гата", "сэнто гата", "дзиссэн гата". Эти термины по-детски глупы и говорят лишь о полном непонимании сути каратэ-до.

Целью каратэ-до является достижение гармоничного совершенства духа и тела, поэтому выражения, отражающие только физическое превосходство, никогда не должны использоваться в связи с этим искусством. Как прекрасно сказал буддистский монах Нитирэн, "каждый, кто изучает сутры, должен читать их не только теми глазами, что на лице, но и теми, которые находятся в его душе." Эти слова - прекрасное наставление для всех каратэка, которое следует помнить всегда.

Нарушение правил

Я должен признаться, что однажды мне пришлось отступить от строгого соблюдения перечисленных правил. Этот случай произошёл вскоре после окончания Второй Мировой войны.

В то время мне было только около восьмидесяти лет, я был значительно более активен, чем сейчас, и однажды отправился на поэтический вечер в Тамагава. Чтобы отпраздновать годовщину встречи, туда было привезено немалое количество спирного. Вечер, естественно, затянулся, и я едва успел на последний поезд, уходящий в Токио.

Япония того времени ещё не избавилась от послевоенного хаоса. Люди знали, что ночью ходить в одиночку было опасно. Я понадеялся на то, что вряд ли кто-то пристанет к такому старому человеку

Я вышел на станции Оцука и отправился домой. Вся эта часть Токио была пустынна и сильно разрушена во время бомбёжек. К моему счастью, дом, в которой я жил, не пострадал.

Начался дождь. Я поднял воротник, раскрыл зонтик и пошёл к дому. Встреча, о которой я хочу рассказать, произошла где-то между Оцука и Хикавасита. Началось с того, что от телеграфного столба отделилась какая-то тёмная фигура.

- Эй, старик! - сказал этот человек и хлопнул рукой по моему зонту.

Решив, что это кто-то из друзей или знакомых, я обернулся и, сняв шляпу, вежливо поклонился. Человека это явно удивило. "После короткой паузы он неуверенно спросил:

- Как насчёт сигаретки?

Теперь я понял, что это - грабитель, но по его голосу можно было догадаться, что он ещё новичок в этом деле, хотя и хочет казаться "профессионалом".

- Я не курю,- ответил я. Должен сказать, что я никогда не ношу сумок. Той ночью я нёс пустой ящичек для завтрака и несколько книг, завёрнутых в простой тёмный фурсики.

- Зачем врать, старик? - спросил человек.- У тебя ведь есть несколько сигарет в фурсики?

- Я же сказал, что не курю. Может быть вы дадите мне пройти?

- И не думай об этом,- воскликнул человек.- Развязывай фурсики и показывай, что у тебя там, внутри!

- Там нет ничего ценного для вас,- упорствовал я.

- Делай, что тебе говорят! - с этими словами человек вырвал зонтик у меня из рук и попытался меня ударить.

Замахнувшись на меня зонтиком, этот человек полностью раскрылся, я мгновенно пригнулся и правой рукой крепко захватил и сдавил его половые органы. Боль была, я уверен, почти невыносимой. Зонтик выпал из его рук на землю, он издал громкий вопль и почти потерял сознание. К моему счастью, именно в этот момент появился патрульный полицейский, и я передал грабителя в его руки.

Продолжив свой путь, я сообразил, что мой грабитель был скорее всего ветераном войны, недавно вернувшимся с боевых позиций. Безработный, он решил ограбить меня в минуту отчаяния, а я от неожиданности нападения сделал то, от чего всегда предостерегал своих учеников: я совершил агрессивный поступок. Мне было очень стыдно.

Каратэ для всех

Одной из наиболее замечательных особенностей каратэ является то, что им может заниматься практически любой человек: молодой и старый, сильный и слабый, мужчина и женщина. Более того, для занятий не нужен даже партнёр. Конечно, по мере роста мастерства партнёр потребуется для тренировок в "кумитэ" или "дзию кумитэ", но в самом начале он не нужен. Нет необходимости в какой-то специальной спортивной одежде. Даже додзё не требуется: каратэ можно заниматься и во дворе собственного дома. Конечно, если человек хочет стать мастером в различных ката, то изучать их нужно в хорошем додзё, но тот, кто занимается только для укрепления здоровья и совершенствования духа, может заниматься самостоятельно.

Учитывая все эти факторы, я думаю, что сейчас занимаются каратэ гораздо больше женщин, чем ранее. Это хорошо и для женщин, и для каратэ. Случается, что женщины, изучающие каратэ, скрывают, этот факт, но в этом виноваты мы, мужчины, распространяющие мнение, что каратэ - занятие "исключительно мужское". В японском обществе о женщинах, изучающих каратэ, часто думают плохо, потому что они якобы "пытаются руководить своим мужем" в семейной

жизни. Напротив, гораздо более вероятно обратное. Такие жёны стремятся к повиновению своим мужьям, потому что каратэ начинается и заканчивается этикетом. Женщина, следующая по пути каратэ-до, даже не мечтает командовать своим мужем.

Каратэ улучшает внешний вид девочек и юных женщин, и они сами, подобно мужчинам, находят это искусство чрезвычайно увлекательным. Одна из причин этого, я думаю, в том, что ката состоят из очень грациозных движений, напоминающих движения танцев. По телевизору сейчас мы часто видим соревнования по художественной гимнастике для женщин. Наблюдая за ними, я подумал, что ката каратэ можно эффективно использовать в подобных целях, потому что они могут выполняться в любом месте. Родители всё чаще сами приводят ко мне своих детей для обучения искусству каратэ. В большинстве случаев я принимаю в ученики болезненных девочек только для того, чтобы укрепить их здоровье занятиями каратэ. Эта укрепляющая программа рассчитана на срок около шести месяцев. Очень часто после этих занятий, каратэ начинает играть в их жизни такую важную роль, что девочки не желают бросать эти занятия.

Женщины, изучающие каратэ, могут защититься от нападения даже очень сильного мужчины. Однако, хочу повторить это снова, каратэ не является и никогда не было только формой самозащиты. Напротив, подлинные мастера каратэ стараются не попадать в опасные места или ситуации, где он или она могут быть вынуждены применить своё искусство. Подобно тому, как мужчина, занимающийся каратэ, не ищет повода для драки, женщина будет избегать ситуации, в которой ей придётся использовать своё умение для борьбы с возможным противником.

Одна мысль, которую я часто высказываю своим ученикам, приводит их в смущение. "Вы должны,- говорю я им,- стать не сильными, а слабыми". Они не понимают меня, потому что приходят в додзё, чтобы стать сильнее. "Едва ли нужно тренироваться,- отвечают они мне, чтобы стать слабее".

Я соглашаюсь, что мои слова действительно трудно понять. "Я хочу, чтобы вы нашли ответ в самих себе,- говорю я им.- И уверяю вас, придёт время, и вы действительно поймёте, что я имел в виду." Я уверен, что это случится. Я уверен, если молодые люди занимаются каратэ, вкладывая в это всё своё сердце и всю свою душу, они обязательно поймут мои слова. Тот, кто осознаёт свои слабости, останется хозяином положения в любой ситуации. Только истинная слабость способна на истинную храбрость. Естественно, что занимающийся каратэ должен оттачивать свою технику путём постоянных тренировок, но не должен забывать, что только тренировки помогут ему осознать свои собственные слабости.

ПРОШЛОЕ... БУДУЩЕЕ...

Оружие каратэ.

Многие люди думают, что оружием каратэ являются только руки и ноги. Они ошибаются. На самом деле не будет преувеличением сказать, что любая часть нашего тела, от макушки до кончиков пальцев ног, может быть использована, как оружие. Например, только от запястья вниз можно насчитать около десяти форм оружия: сэйкэн, уракэн, сյокэн, иппонкэн, тюкокэн, тэтцуй, сյото, нукитэ, иппон нукитэ, нихон нукитэ.

Точно так же, от лодыжки вниз: коси, тјосоку, сокуто, цумасаки, эндзю и сокко. Другие части ног и рук, используемые как "оружие": запястья, локти и колени. Вы видите, что практически нет частей тела, которые нельзя было бы использовать для нанесения ударов противнику.

Теперь я хочу очень кратко описать, какое "оружие" используется наиболее часто и наиболее эффективно. Для тех, кто занимается каратэ только как формой физических упражнений, хочу дать несколько кратких указаний о том, как различные части тела могут быть укреплены в процессе тренировки.

Мы должны начать с сэйкэн, потому что он является самым главным оружием каратэ и наиболее часто используется. Он формируется в следующей последовательности: сначала четыре пальца прижимаются к ладони, после чего указательный и средний пальцы прижимаются большим пальцем. Большой палец нужно согнуть, как можно сильнее, чтобы не повредить его при нанесении ударов. Следите, чтобы кончик большого пальца никогда не выступал за средний палец.

Суставы должны быть согнуты скорее под острым, чем под прямым углом. Вначале будет трудно сформировать такой кулак, и рука будет уставать через несколько секунд. Постоянные тренировки научат вас делать это правильно и сжимать кулак более плотно. В дальнейшем его суставы постепенно разовьются и покроются толстыми наростами, похожими на мозоль. Суставы в основании пальцев сначала образуют прямой угол. По мере увеличения тренированности, этот угол становится острым.

Вам будет очень удобно отрабатывать правильное формирование сэйкэн в бане. Намыльте руки так, чтобы пальцы стали скользкими, затем сжимайте и разжимайте кулаки, описанным способом как можно быстрее.

Новичок, который использует сэйкэн для прямого удара, заметит, что удар кулаком с согнутым запястьем очень слаб. Более того, в этом случае всегда существует опасность при нанесении удара травмировать своё запястье.

Когда сэйкэн применяется правильно, удар наносится суставом среднего пальца, в который вкладывается сила всей руки. Сэйкэн можно назвать "сердцем каратэ" и нужно отрабатывать его каждый день с предельным старанием. Если этот удар не отработан, становятся бесполезными все ката и кумитэ.

Наиболее известный способ тренировки сэйкэн - отработка ударов на макивара, специальном деревянном брус, обёрнутом рисовой соломой. Макивара также может быть использован для укрепления суюто, локтей и коленей. Думаю, не будет преувеличением, если я скажу, что тренировка с макивара - это краеугольный камень в создании мощного "оружия". Деревянный брус, около двух метров длиной и пятнадцати сантиметров толщиной, прочно вкапывают в землю так, что его верхушка находится приблизительно на уровне плеч ученика, затем верхняя часть бруса обматывается рисовой соломой на толщину пять или семь сантиметров. Солома привязывается тонкой верёвкой. Начинаящий при ударах по обмотанному соломой брус может чувствовать боль в суставах, поэтому я рекомендую поначалу покрывать солому обычным полотенцем. Когда макивара приготовлен, ученик становится перед ним в позиции ханми на расстоянии вытянутой руки так, чтобы его кулак мог коснуться цели. Он сгибает колени и опускает бёдра. Левую руку он сжимает в кулак и вытягивает её вперёд так, чтобы кулак находился на расстоянии около пятнадцати сантиметров от макивара. Правая рука тоже сжимается в кулак, который находится у бедра и ладонью обращён вверх. Глаза ученика обращены на макивара, вся его сила концентрируется в нижней части живота - тандэн. Покрытая соломой часть макивара должна быть на уровне груди ученика. Если "подушка" из соломы будет выше, ученику придётся тянуться вверх, и его удар будет терять силу.

Наиболее важным элементом техники является стойка: вы должны иметь такое ощущение будто ваши ноги прочно вросли в землю. Теперь переходим непосредственно к удару. Сжатый правый кулак, который был у правого бедра, наносит удар вперёд; одновременно правое бедро со всей силой разворачивается по направлению к цели, а сжатый левый кулак, который был в пятнадцати сантиметрах от макивара, отдергивается назад, к левому бедру. При нанесении удара, правый кулак, двигаясь вперёд, должен одновременно быстро вращаться, подобно штопору, до момента попадания в цель. Другими словами, такой удар можно назвать "вкручивающимся", и именно это делает его особенно сильным. Движение это сложное. Отработка мастерского исполнения требует от ученика большой настойчивости и многократных повторений.

Я советую начинающему вначале ударять по макивара слабо и постепенно увеличивать силу удара по мере того, как кулак и запястье привыкают выдерживать всё более сильные удары. Через некоторое время ученик сможет

наносить свои удары в полную силу. Начинаящий, даже если он бьёт по макивара очень легко или только касается цели может почувствовать боль в руке или получить сильный ушиб. Опухоль от ушиба можно уменьшить, опустив руку в холодную воду. Если вы содрали кожу, то придётся временно прекратить тренировки до тех пор, пока рана не заживёт.

Повторяю три важнейшие элемента, относящиеся к технике ударов кулаком:

- стойка должна быть низкой и прочной,
- бёдра должны вращаться быстро и мощно,
- кулак должен нести в себе всю силу, на которую способно тело.

Одно дополнительное замечание. Ученик, хвастающий мозолями на суставах, ещё не постиг сути каратэ-до. Добавлю, что тот, кто занимается каратэ, как видом физических упражнений, не нуждается в макивара; для физического развития вы можете отрабатывать технику без нанесения сильных ударов по реальному объекту.

Другой очень эффективный удар наносится тыльной стороной кулака (уракэн), при этом для нанесения удара используют суставы указательного и среднего пальцев. На тренировках с макивара нужно стараться наносить удар в цель суставами всех четырёх пальцев. Уракэн - отличное оружие для ударов в лицо или по рёбрам, если противник атакует сбоку.

Теперь переходим к удару "кулаком - молотом" (тэтцуй). Большой палец в этом случае прижимает два пальца ладони так же, как и в сэйкэне но удар наносится другой частью кулака - мягким основанием со стороны мизинца. Многие считают этот удар не очень эффективным, но я могу заверить читателей, что тэтцуй, хорошо отработанный на макивара, очень грозное оружие. Поскольку та часть кулака, которой наносится удар, покрыта толстым слоем мышц, её невозможно травмировать, независимо от жёсткости цели. По этой причине тэтцуй наиболее эффективен при ударах по запястью и любым другим суставам.

"Ладонь-копье" (нукитэ) - это оружие, в котором для поражения противника используют кончики пальцев. В сихон нукитэ используются четыре пальца, в нихон нукитэ - два, в иппон нукитэ - один.

Большой палец согнут внутрь ладони, а остальные пальцы вытянуты и плотно сжаты. Тот, кто не знает этого оружия, подумает, что пальцы' можно сломать при ударе, но соответствующая подготовка делает нукитэ очень эффективным оружием для ударов в лицо и солнечное сплетение.

"Ладонь-меч" (сюто) имеет очень широкое применение, сюто формируется так же, как сихон нукитэ, но удар наносится мягким ребром ладони со стороны мизинца. Макивара очень полезен для укрепления этого оружия. Наиболее эффективно применение сюто для нанесения ударов противнику в шею, по туловищу сбоку, по рукам к ногам.

Локти (эмпи) часто используют для нападения и защиты: например, когда противник пытается обхватить вас руками; когда противник нападает сбоку или спереди; когда вы пригибаетесь, чтобы прорвать его защиту; когда вы захватили противника и прижимаете его себе. Локти эффективны для нанесения ударов в

лицо, голову, грудь, по рёбрам, в спину. Их также можно использовать для защиты собственных груди и рёбер. Если вас отбросили на землю, локти пригодятся для удара по ногам противника. Благодаря прочности локтевого сустава, женщины и дети тоже могут после специальной тренировки эффективно обороняться, используя свои локти.

Удары ногами, если они достаточно быстры, являются одним из важнейших видов оружия каратэ, потому что часто позволяют застать противника врасплох. Удары - основные приёмы в технике ног, но иногда ноги и ступни эффективно используются для блокирования ударов противника. Ноги, конечно, толще и сильнее рук, но их труднее использовать без соответствующей подготовки. При ударах ногами существует серьёзная опасность: если человек бьёт ногой и промахивается по своей цели, то он может потерять равновесие и раскрыться для контрудара противника.

Для нанесения ударов противнику, нападающему спереди, используют "коси" или подушечку ступни. Значение этого вида "оружия" ступни аналогично сэйкэн в технике рук. Обратите внимание, если пальцы ступни не отогнуты вверх или в лодыжке бьющей ноги не сконцентрирована достаточная энергия, коси становится источником опасности для того, кто этим орудием пользуется.

Пятка (эндзю) используются для нанесения ударов противнику, который нападает сзади или пытается обхватить вас руками сзади.

Тэгуми

Прежде, чем завершить мои отрывочные воспоминания о каратэ и о себе, хочется несколько слов сказать вам о другом национальном виде спорта на Окинаве, и не только потому, что он доставил мне много радости в юности, но и потому, что именно он, я верю в это, помог мне развить силу мышц, столь полезную в каратэ.

Я говорю о национальной борьбе. Но, скажете вы, люди борются повсюду в мире. Дети начинают бороться почти в том же возрасте, когда они начинают во что-то играть. Окинавская борьба имеет уникальные особенности. Истоки её, как истоки каратэ, остаются неизвестными, но многие окинавцы предполагают, что есть определённая связь между этой борьбой и каратэ.

На Окинаве эта борьба называется "тэгуми". Это слово записывается двумя китайскими иероглифами, теми же, которые используют для написания слова "кумитэ" в каратэ, только эти иероглифы переставлены местами. Тэгуми, конечно, значительно проще и примитивнее каратэ. Фактически, в этой борьбе нет правил, за исключением нескольких запретов, например, использовать кулаки, наносить противнику удары руками или ногами, хватать противника за волосы или щипаться. Запрещены также рубящие удары ребром ладони и удары локтем, используемые в каратэ.

В отличие от большинства видов борьбы, в которых противники почти раздеты, в борьбе тэгуми они остаются полностью одетыми. Для поединков не

требуются специальные площадки или помещения, и соревнования можно проводить, где угодно - в доме или на ближайшей лужайке. В дни моей юности борцы тэгуми боролись, главным образом, на свежем воздухе, потому что в этом случае соревнования проходили более оживлённо. Кроме того, нашим родителям не нравилось видеть в доме порванные бумажные перегородки и куски татами. Естественно, когда мы устраивали соревнования на полянке, то сначала убирали все камни и валуны, являющиеся отличительной чертой сельского ландшафта Окинавы.

Как и в сумо, схватка начинается с того, что противники пытаются столкнуть друг друга с места. После этого противники применяют захваты и броски. Один из приёмов, который я хорошо помню, очень похож на тот, который в современной профессиональной борьбе называется "эбигатама". Когда я вижу борьбу на телевизионном экране, то часто вспоминаю тэгуми моей юности.

Судьями обычно были мальчики, которые выполняли одновременно обязанности секундантов противников. Их главной задачей было следить за тем, чтобы ни один из борцов не был серьёзно травмирован или нечаянно нокаутирован. Чтобы остановить поединок любой из мальчиков-борцов должен был просто похлопать рукой по телу своего противника, но некоторые мальчики были столь неустрашимы, что продолжали бороться до тех пор, пока не теряли сознание от боли. В таких случаях судья должен был остановить поединок до того, как это случится.

Как многие другие окинавские мальчишки, я провёл много счастливых часов, наблюдая тэгуми или участвуя в схватках. После того, как я серьёзно занялся каратэ я понял, что тэгуми даёт уникальные возможности для тренировки, но для этого не нужно ограничиваться двумя противниками. Один, обычно более старший и более сильный мальчик, может бороться с двумя или тремя противниками, или даже с большим количеством нападающих, если он чувствует это возможным.

Такая схватка начинается с того, что сильный борец ложится на спину, а противники прижимают к земле его руки и ноги. Когда я решил стать каратэка, то начал бороться против четырёх или пяти мальчиков, надеясь укрепить мышцы рук и ног, живота и бёдер. Не могу точно сказать, как тэгуми способствовала росту моего технического мастерства в каратэ, но волю мою эти занятия, без сомнения, заметно укрепили.

Например, я редко испытывал трудности в поединках с одним противником, но мои проблемы быстро росли с увеличением количества нападающих. Пока я атаковал одного противника, Другие находили "дыры" в моей защите и атаковали меня. Трудно придумать способ лучше тэгуми для изучения методов самозащиты от нескольких противников, и хотя он выглядит, как детская игра, я могу заверить вас, что все участники этой игры относились к ней весьма серьёзно.

Насколько мне известно, борьба тэгуми снова становится популярной среди детей Окинавы, но одна мысль не даёт мне радоваться этому. Если нам в детстве приходилось для очистки места соревнований отбрасывать в сторону мешающие

камни и валуны, то нынешние дети Окинавы рискуют встретить неразорвавшиеся снаряды или бомбы, которые остались в земле со времён кровавых сражений Второй Мировой войны. Мысль о такой страшной возможности разрывает мне душу.

Каратэ обретает крылья

В предвоенные годы за рубежом о каратэ что-то слышали или хотели изучать его лишь несколько человек. Иностранцы, попадавшие в моё додзё, были или журналистами, или специалистами по физической культуре, которые узнали о росте интереса японцев к каратэ. Сразу же после завершения мировой войны началась оккупация Японки, и многие американские солдаты стали приходить ко мне с просьбами о консультациях. Как и откуда они узнали обо мне, я не знаю.

Однажды я был приглашён покойным ныне Судзуки Бунсиро на встречу с американским издателем в отеле "Империял". В то время японцам запрещалось даже входить в этот отель. Исключения делались только для посетителей, приглашённых американцами, проживавшими в отеле. Я был приятно удивлён, когда, войдя в комнату, где должна была произойти наша встреча, обнаружил, что она убрана в национальном японском стиле - со складной ширмой и букетом цветов, составленными человеком, явно знакомым с искусством икэбана. Больше всего от этой встречи мне запомнилось изумление американцев по поводу моего преклонного возраста. Пригласивший меня издатель заметил во время нашей беседы, что, если, в Японии каратэ быстро превращается из национального боевого искусства в спорт, то в Америке оно будет высоко цениться, как ключ к долголетию.

Впоследствии у меня было много других встреч с американцами, и я привык видеть иностранцев в додзё каратэ Кёкай, куда приходили даже несколько женщин. Вскоре меня попросили дать уроки каратэ офицерам, занимающимся физической подготовкой личного состава на базе ВВС США Татикава, а немного позже попросили показать ката для командного состава базы в Кисарадзу, в префектуре Тиба.

В последнем случае командир, хотя было очевидно, что он знал о каратэ мало или ничего, попросил меня выполнить ката в традиционном японском стиле. Он встретил меня очень радушно, наблюдал показательные выступления с огромным вниманием и лично показал мне всю базу. Перед началом моего выступления командир проводил меня к памятнику японским лётчикам, погибшим в сражениях. Это была бронзовая статуя юного японского лётчика, указывающего рукой на тихий океан. У его ног расправил крылья орёл. Сам памятник и тории, ведущие к нему, были в безупречном порядке. Командир сказал, что он не может не испытывать уважения к юным японским пилотам, отдавшим жизнь за свою страну, хотя все эти жизни были отданы напрасно. Он спросил, сколько моих прежних учеников было лётчиками во время войны. Когда я низко поклонился памятнику, он понял мой ответ, и сам отсалютовал героям. Я

понял, что рядом со мной стоит истинный джентльмен. Со слезами на глазах, я предложил командиру вернуться на базу.

После заключения мирного договора между Японией и США, каратэ мирным путём незаметно проникло на американский материк. Это произошло, когда один высокопоставленный американский офицер предложил мне совершить трёхмесячную поездку по военным базам США с целью демонстрации каратэ американским лётчикам. Я пригласил в эту поездку своих учеников: Обата Исао из университета Кэйо, Камата Тосио из университета Васэда и Накаяма Масатоси из университета Такусёку. Мы поставили перед собой задачу широкой популяризации каратэ. Американская администрация запланировала для нас всего несколько выступлений перед маленькими группами военных специалистов по физической подготовке. Вместо этого мы провели яркие показательные выступления перед большим количеством лётчиков авиации США, которые очень хотели изучать каратэ. Я не могу выразить словами полученное при этом удовольствие.

Итак, я завершаю свой рассказ. Каратэ, которое в дни моего детства было секретным боевым искусством жителей Окинавы, превратилось в один из видов национальных японских боевых искусств, а потом "обрело крылья" и перелетело в Америку. Теперь каратэ известно во всём мире. За время написания этих заметок, я получил множество писем из самых разных мест с просьбами прислать необходимую информацию и инструкторов для обучения. Сначала я удивлялся, что так много людей слышали о каратэ. Теперь я понял, что, закончив эту книгу, я начну новое дело - отправку японских специалистов по каратэ за границу.